

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНАХ-ЦУНАМИ

Анна
Ольховская

Охота
светской
львицы

Анна Ольховская
Охота светской львицы
Серия «Папарацци
идет по следу», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=186992
Охота светской львицы: М.; 2009
ISBN 978-5-699-36343-8

Аннотация

Ничего нет страшнее мести разъяренной женщины. Тем более если она богата, умна и красива, а ее соперница – жалкая моль, рифмоплетка-неудачница. И как мог звезда эстрады, герой женских грез певец Алексей Майоров предпочесть эту убогую прилипалу Анну Лощинину ей – блестящей светской леди – Жанне Кармановой?! Ну, ничего, взвоют еще в унисон любовнички, покажет им Жанна почем фунт лиха! Майорова выставит мерзким извращенцем и посадит в тюрьму, а его музу отправит в Таиланд, в элитный притон – развлекать любителей острых ощущений...

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	35
ГЛАВА 5	42
ГЛАВА 6	50
ГЛАВА 7	58
ГЛАВА 8	66
ГЛАВА 9	74
ГЛАВА 10	82
ГЛАВА 11	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анна Ольховская

Охота светской львицы

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

М-да! И что же мы имеем на сегодняшний вечер из еды? Странно, но трехминутное тупое разглядывание двух баночек йогурта (обезжиренного, между прочим!) и пакетика с невероятно полезной проросшей пшеницей почему-то не превратило эту диетическую гадость в две славные сочные котлетки и тарелочку жареной картошки. Я с надеждой закрыла глаза и усиленно занялась материализацией своих мыслей. А что, со всех сторон жужжат: мысли материальны, слова материальны, не думай о плохом, думай о хорошем – и все будет супер!

Так, как это делал герой Стругацких? Глаза закрыты, сосредоточиться и представить то, что тебе нужно, как можно четче. Все, вижу, вижу! Вот она, тарелочка, широкая, славненькая, с цветочками по ободку. А на ней, на тарелочке, паром исходят две румяные котлетки, картошечка жареная, янтарная, хрустящая, еще пофыркивает после сковородки.

А еще, а еще – керамическая мисочка с грибочками маринированными, лучком пересыпанными да маслицем политыми. Мням! Ой, запах-то какой вкуснющий! Ура, получилось!

Я открыла глаза, томясь в предвкушении. Упс! Вся моя материализованная красота куда-то испарилась, а йогурт и пшеница показались еще омерзительнее. Внезапно рядом послышались возня и сопение. Я оглянулась. Понятненько. Каждый вечер одно и то же. Сила воли и зверский аппетит опять выясняют отношения. Причем если еще неделю назад сила воли загоняла аппетит под плинтус одной левой, то сегодня все было грустно. Аппетит стал абсолютно зверским, даже чудовищным, а моя неудачная попытка стать волшебницей и вовсе превратила его в монстра. У силы воли не было шансов. Она осталась мерзнуть в пустом холодильнике, рассказывая йогурту и пшенице пошлые анекдоты. А меня эта гнусь, этот монстр, этот сволочный аппетит пинками погнал в магазин.

Как поется в набившей оскомину песне: «Я за ним – извини, гордость, я за ним одним, я к нему одному». Точно. За ним. За тортом. И за мясом, и за картошкой. Ну ее в «Космо», диету, не мое это, не мое. И ведь знаю, что не мое, знаю, что не быть мне пугливой ланью, а снова влезла. Или, вернее, не влезла. В классные супермодные брюки, которыми хотела Лешку удивить. Вернется он через две недели с гастролей – а я вся такая модная и хитовая. И внезапная такая. И непредсказуемая. И порывистая. И... О чем это я? А, Леш-

ку поразить решила. Хотя после недавних событий Майоров меньше всего расположен к внезапности и непредсказуемости, он вообще хотел мне охранника навязать, еле отбилась (см. книгу Анны Ольховской «Ребро Каина»). Чего ее бояться, эту Жанну, ей, думаю, сейчас не до нас. Генерал Левандовский такую облаву через Интерпол устроил, ой-ей-ей!

Кто такие Лешка, Жанна и генерал Левандовский? Лешка, он... мы... Так, господа, должна вам сказать, что чересчур обширный словарный запас периодически устраивает мне бяку. О, прочувствовали? Вкусили изысканнейшего слога? Бяка! Как много... да что ж такое-то, а! См. комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума».

А теперь по существу. Я – Анна Лощинина. Жизнь моя до недавнего времени была довольно скучной и однообразной. Зато спокойной. Живу я в небольшом городе, в двух часах езды от Москвы, работаю журналисткой на вольных хлебах. Имею массу знакомых и пару-тройку хороших друзей. А еще – лучшую подругу (куда ж без нее!), которая терпит меня еще со школы. Татьяну Старостенко, она же – Таньский. Жизнь катилась себе тихонечко, изредка подпрыгивая на небольших ухабах, пока ей, жизни, это не надоело. Скорости ей захотелось, видите ли, ралли приснились! И понеслось.

Вначале я, совершенно неожиданно для себя, обнаружила вдруг в собственных закромах способность писать стихи. А еще – тексты песен. Благодаря которым и познакомилась

с суперзвездой российского шоу-бизнеса Алексеем Майоровым. Около полугода мы общались с ним заочно, по телефону и через Интернет. Ни он, ни я не анализировали наших отношений, нам просто было хорошо говорить и молчать вместе. А что дальше – не задумывался никто. В июле у Алексея намечался перерыв в гастрольном графике, и вот тогда я и должна была приехать в Москву для работы над новым альбомом Майорова. Не сложилось, в Москву под моим именем приехала моя бывшая одноклассница Жанна Карманова, еще со школьных лет фанатично влюбленная в Алексея Майорова. Мы с ней неожиданно как-то пересеклись в городе, Жанна узнала, что я собираюсь ехать к Алексею и что он в лицо меня не знает. И решила действовать.

А надо отметить, что мадам Карманова, в девичестве Евсеева, привыкла добиваться своего любой ценой. Удачно выскочив в свое время замуж за гениального фармацевта Михаила Карманова, Жаннуса теперь стала одной из богатейших дам нашего города. Ее муж владел собственной фармацевтической компанией «Карманов-фарма», где наряду с разрешенными лекарственными препаратами разрабатывал и те, которое заказывали ему представители криминального мира. Впрочем, услугами Михаила пользовались и некоторые типы из спецслужб. В числе таких разработок была и методика полного стирания одной личности и замена ее другой. Человек больше не помнил, кем он был, он становился другим. И именно эту методику Жанна взяла на вооружение

для достижения собственных целей. Понадобилось ей нака-
зать свою бывшую лучшую подругу, посмевшую в свое вре-
мя увести у юной Жанночки парня, – наказала. Причем и
парня тоже. И в коттедже Кармановых появились новые слу-
ги – горничная Ксюша и садовник Павел. Они же – Артур
и Алина Левандовские, родители очаровательной девчушки
Инги по прозвищу Кузнечик. То, что ребенок остался без
папы и мамы, Карманову абсолютно не заботило. У девчон-
ки ведь еще есть бабушка и дедушка. Правда, одного не учла
Жаннуся – дедушкой Кузнечика оказался генерал ФСБ Сер-
гей Львович Левандовский. Но до поры до времени это ей
не мешало.

Ко мне тоже была применена та же методика, и я стала
санитаркой в психушке по имени Уля. А Жанна, как я уже
упоминала, отправилась в Москву. Но обмануть Алексея ей
не удалось, он мгновенно распознал подмену. И начал свою
игру, чтобы узнать, что же случилось с его Анной?

Много чего произошло до того, как мы с Лешкой все же
встретились. Оказалось, что Майоров давно знал семью Ле-
вандовских и с трепетной нежностью относился к малень-
кой Инге. Разыскивая меня, он обнаружил пропавших Арту-
ра и Алину, сообщил об этом Сергею Львовичу, но генерал
не успел, его сына и невестку из коттеджа успели убрать. А
убрали в ту психушку, где работала я. В общем, я помогла
ребятам сбежать, а потом все закрутилось, связалось в тугой
узел, и на сегодняшний день мы с Лешкой – две половинки

одного целого, семья Левандовских считает меня чуть ли не дочерью, с Кузнечиком мы лучшие подружки. Михаил Карманов теперь работает под жестким контролем генерала Левандовского. Жанне удалось сбежать за границу, прихватив капиталы мужа. Сергей Львович не оставляет ее в покое и абсолютно убежден, что мадам Карманова в Россию больше не сунется. Если бы! Я-то знаю Жанну лучше, ее мстительность можно сравнить только с ее же больным самолюбием. И оставить нас с Лешкой в покое она вряд ли согласится. Хотя...

Да ну ее, Жанку! Аппетита она мне не испортит!

Я неслась к магазину, повизгивая от нетерпения, на что прохожие реагировали довольно нервно. Чудаки, это я еще не в голосе, ослабела от голода. Вконец распоясавшийся от безнаказанности и моей покорности аппетит уселся мне на шею и завыл «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед». Так что, несмотря на обычную для конца ноября слякоть и скользоту, доскакала до ближайшего супермаркета я довольно быстро, причем даже ухитрилась не угваздаться по самую холку.

Всю последнюю неделю я старалась обходить это место стороной, моим приоритетом на протяжении диеты был магазинчик «Здоровое питание», расположенный недалеко от редакции газеты, для которой я сейчас готовила материал. Из-за чего, кстати, у нас с Лешкой разгорелась нешуточная война. Он настаивает на моем окончательном и бесповорот-

ном переселении в Москву. На его стороне тяжелая артиллерия в лице Кузнечика и ее родителей. После того, что нам пришлось пережить вместе, малышка прикипела ко мне всей душой. Да и я, если честно, тоже. Алина атакует меня ежедневными звонками, предлагая различные варианты с работой, один заманчивее другого. Артур шлет через Интернет фото домов, где они присмотрели для меня подходящее жилье. Кстати, к Артуру, единственному из жертв Кармановой, память так и не вернулась. Михаил действительно старался исправить зло, сотворенное его женой, неважно, что было тому причиной – угрызения совести или страх перед генералом Левандовским. Я лично склоняюсь ко второму, но кто знает? В общем, после курса лечения в клинике Карманова память восстановилась и у Нины, бывшей Марины, кухарки, которую Жанна просто выкрала из Питера. Господи, сколько же горя принесла эта неясность людям! Когда я увидела мужа и детей Нины, приехавших забрать ее из клиники домой, я чуть не разревелась: вся боль, весь ужас, пережитый этими людьми за долгие месяцы разлуки, оставили свой след в их глазах, и хотя сейчас они были радостно-возбужденными, сияли от счастья, но эта боль никуда не ушла, она останется с ними навсегда. А вот у Артура дела шли неважнецки. Удивительно, но память и навыки музыканта вернулись к нему очень быстро, он снова занял свою исполнительскую нишу, но вспомнить свою жизнь до эксперимента Жанны Кармановой не смог. Конечно, Михаил не прекращал поиски сред-

ства, способного помочь Артуру, генерал не оставлял его в покое, но пока все оставалось по-прежнему. Алину Артур снова полюбил и в новой жизни, будучи Павлом, хоть с этим проблем не было. Дочку же и родителей он так и не вспомнил и теперь строил отношения с ними заново. С Ингой проблем не было: Кузнечик любого привяжет к себе в считанные минуты. С отцом и матерью оказалось сложнее, Артур очень хорошо к ним относился, был благодарен за помощь, но... не мог назвать их «мама» и «папа». Вернее, он старался, но, забывшись, опять обращался по имени-отчеству. Мне было очень жалко Ирину Ильиничну и Сергея Львовича – вроде нашли сына, а вроде и нет. Ирина Ильинична совсем извелась, а генерал Левандовский с еще большим ожесточением искал виновницу бед его семьи по всему свету. Но Жанна словно в воду канула.

В общем, Майоров и компания с редкостным упорством тянули меня в Москву, а я упиралась. Не могу сказать, чтобы я вовсе не хотела туда перебираться, просто не хватало решимости уехать. Это ведь мой город, я здесь родилась и выросла, здесь могилы моих родных, здесь треть населения – мои друзья и знакомые, здесь Таньский, наконец! Хотя что касается Таньского, то моя любимая подруга, услышав, что Лешка хочет забрать меня в Москву, стала уговаривать меня на переезд. Она танком наезжала на мои аргументы и плющила их в блинчик, обзывала меня разными нехорошими словами, из которых воспроизвести можно только «дура

ненормальная», а остальное – «...», «...», «...» и т. д. Но глубоко-глубоко, на самом дне серых глаз Таньского затаились тоска и грусть. Она думала, я не замечу! Да мы знаем друг друга с первого класса, уже целых... В общем, долго. И она надеется что-то скрыть от меня, дурында! Короче, никуда я пока не поеду, а дальше – посмотрим. Лешка все равно без конца на гастролях, а когда возвращается, я его уже жду.

Но сейчас он уехал, а я, чтобы не выть от тоски, работаю, как и раньше, журналистом на вольных хлебах. Снова приходится иметь дело с любезной Людмилой Петровной, она же Людочка, зам. главного редактора нашей областной газеты. Хорошо, хоть Людочка не знает о моем непосредственном участии в скандале с четой Кармановых, эхо которого до сих пор сотрясает наш город. Иначе давно распяла бы меня на стене своего кабинета и изрешетила дротиками любопытства.

А возле редакции этой самой газеты и находится магазин «Здоровое питание», постоянным клиентом которого я являлась последние семь дней и благодаря изысканному ассортименту которого стала желудочно неудовлетворенным кадавром, а не интеллигентной, полной чувства собственного достоинства дамой. Но теперь – все! Я вернулась к тебе, о мой супермаркет!

Счастливая, я с наслаждением толкала перед собой тележку, в которой уже практически не осталось свободного места, все было забито разной вкуснятиной, а сверху громозди-

лась коробка с тортом. Таньскому я брякнула с мобильного, и она уже с космической скоростью, в нашем городе равной скорости троллейбуса, двигалась в сторону моего дома. Мы решили помянуть безвременно покинувшую меня диету.

На моем пути в сторону кассы обнаружился прилавок с копченостями, и я решила прикупить еще и колбаски. На витрине сверху лежала уже взвешенная и упакованная продукция. Перебирая куски колбасы, я искала нужный сорт, как вдруг... Машинально взяв в руки пакет с копчеными ребрышками, обратила внимание на то, что они какие-то уж очень, как бы это правильно сформулировать?.. Худые, что ли. Обычно ребрышки – это аппетитные мясистые штучки, да еще и с салцем. Но эти! По-моему, хрюшки, чьи бранные останки я держала в руках, скончались от истощения. Жалкие косточки были едва обтянуты пленкой даже не мяса, а жил. Кошмар какой-то, интересно, как сия продукция называется? Их нужно назвать: «Кости. Копченые. Оно вам надо?» Я перевернула пакет в поисках этикетки и, взвизгнув, выронила его из рук. Дремавшая за прилавком продавщица от моего визга вмиг проснулась и судорожно ухватилась за колбасный нож устрашающих размеров. Не обнаружив никого, кроме меня, она обрушилась на меня со всей силой пролетарского гнева:

– И чего вы так орете, женщина, совсем с ума сошли, что ли?

– Э-э-э-т-т-т-о-о-о что? – проблеяла я, указывая пальцем

на валяющийся пакет с ребрами.

– Где? – продавщица навалилась на витрину, стараясь разглядеть, что там у меня под ногами. Витрина жалобно пискнула, вслед за ней испуганно пискнула я, поскольку мадам увидела наконец валяющийся на полу товар, который она сама недавно заботливо упаковала. Личико стало пунцовым, глазки почти выкатились из орбит, размахивая ножом, она заверещала:

– Ах ты, нахалка! Люди тут работают, стараются, а потом приходят сумасшедшие всякие и начинают товар на пол кидать и ногами топтать! Эй, Коля, иди сюда!

К нам направился шкафообразный охранник; выражение его лица приятного вечера мне не обещало. Вокруг начали уже собираться покупатели, версии происшедшего выдвигались самые разные.

– Ну чего тут у тебя, Зина? – лениво осведомился подошедший Коля, до жути похожий на одного своего тезку, Коляна, встреча с которым уж точно не принесла бы мне ничего хорошего.

– Так вот эта, представляешь, хвать с витрины ребрышки, хрясь их на пол и ну топтать! – зачастила Зина.

Коля удивленно воззрился на меня:

– И чего это вы, гражданочка, пьяная, что ли?

– Все было совсем не так, – начала я, но Зина не выдержала:

– Так я что, вру, да? Ах, ты...

– Погоди, Зина, дай гражданочке сказать, – остановил фурию охранник, отчего сразу стал для меня славным и симпатичным.

– Ну вот, – я осмелела, – я взяла пакет с этим, с этой... С товаром, в общем, но, увидев название, испугалась и выронила это на пол. Но я его не топтала! Мне и в голову не придет по человеческим останкам топтаться, а вы ими торгуете, да еще и не скрываете этого!

Услышав мои слова, толпа взволнованно загудела, а Зина растерялась:

– Какими еще останками, вы чего?

– А вот! – обличительно указала я на поднятый Колей пакет с ребрами. – Читайте, что здесь написано!

– «Ребрышки крестьян», – прочитала стоявшая рядом женщина и ойкнула.

Из притихшей толпы выскочила старушка, выхватила из корзины пакет с такими же ребрышками и метко запустила ими в Зину. Той удалось увернуться, а старушка заголосила:

– И что же это делается, люди добрые! А я-то обрадовалась – дешевые, вот и взяла, а этикетку-то и не прочитала, очки дома забыла! То-то кости тощие такие, в деревнях ведь плохо сейчас, голодно, так они чего удумали – крестьян на убой! – Старушка впала в транс, высота ее голоса приближалась к ультразвуку, толпа угрожающе загудела.

На шум выскочила администратор магазина. Она взяла в руки пакет, прочитала и устало проговорила:

– Сколько можно, Зина, просила ведь – вводи информацию в весы правильно, так ведь до абсурда дойти можно. Вот и дошли. А вы, женщина... – повернулась она ко мне. – Ладно, бабушка, она старая, но вы-то! Вы соображаете, что говорите? Вы сюда смотрели? – администратор указала на витрину, где на горке костей красовался ценник «Ребрышки по-крестьянски». – Зине нашей лень полностью вписывать название, она и выдала не «по-крестьянски», а «крестьянские», электроника сократила, и получилась ерунда. Вы же взрослая, интеллигентная вроде женщина, – продолжала упрекать меня администратор, я же пылала от стыда, казалось, алое сияние моих ушей окрашивает лица окружающих в приятный розовый цвет.

Но тут Коля, приглядывавшийся ко мне все более внимательно, наклонился к начальнице и что-то прошептал ей на ухо. Лицо женщины прояснилось, и она громко сказала:

– Все, граждане, расходитесь, здесь вам не цирк. А вы пойдете, – ласково поманила она меня за собой, – вас без очереди рассчитают.

Ошалев от происходящего, я покорно двинулась за администратором в сторону касс. Когда меня уже почти рассчитали, мой мобильный завопил голосом Винни-Пуха из мультика: «Ой-ей-ей-ей, спасите, помогите!» (Помните, как Пух застрял в норе Кролика? Вот этот вопль я и поставила на номер телефона Таньского, поскольку в детстве мы звали друг друга Винни и Пятачок.) Коля, маячивший неподалеку, нервно

дернулся, и тут я вспомнила! Когда у меня только появился мобильник, в этом же магазине вышла забавная история, после которой окружающие остались абсолютно убеждены в моем душевном нездоровье. И помогал мне тогда сумки нести этот самый Коля. Так, теперь ясно, мысленно усмехнулась я, слушая по телефону возмущенный вопль Таньского по поводу моего отсутствия дома. Скандал был погашен из-за боязни, что я впаду в буйство. Ну что ж. Мы, психи, такие. Теперь всегда буду ходить только в этот магазин, пусть боятся! Зато вежливое обслуживание мне обеспечено.

ГЛАВА 2

Когда содержимое тележки перекочевало в пакеты, оказалось, что их, пакетов, получилось аж четыре штуки. «Ничего себе! – мысленно присвистнула я. – А все ты, скотина!» Но аппетит, который я пыталась упрекнуть, сделал вид, будто меня не слышит, и лишь нетерпеливо ерзал у меня на шее, желая побыстрее попасть домой.

Хорошо, хоть Таньский прибыла пораньше, и я направила ее себе навстречу. Так, она должна бы уже и появиться, ага, вот и моя болтливая тележка. В дверях появилась мрачная личность: больше всего, похоже, Таньскому хотелось громко, во всеуслышание, сообщить, что она думает по поводу подруги, но, увидев количество и размер ноши, возле которой стояла эта самая подруга, она примерзла к полу с совершенно очаровательным выражением лица, оценив которое охранник Коля еще больше утвердился во мнении на мой счет. Повернувшись к нему, я мило улыбнулась и прощепетала:

– А вот и моя подружка пришла. Мы с ней в больнице познакомились, в одной палате лежали. Очаровательнейшая особа и, что удивительно, не замужем. А вы, Коля, женаты?

– Да, да, конечно, – пролепетал бедняга и поспешил ретироваться.

– Жаль! – заорала я ему вслед. – А у моей подруги есть за-

мечательная коллекция колюще-режущих предметов, испытанных ею в деле! – Коля перешел на спринтерскую скорость и скрылся в подсобке.

– Ты чего разоралась? – Таньский подошла ко мне. – Что за ерунду несешь про какую-то коллекцию?

– Шалю вот, – скромно потупила я глазки. – От голода совсем умом тронулась, – заметив приоткрывшуюся дверь подсобки, громко добавила: – И вообще, у меня осеннее обострение! – Дверь захлопнулась.

– Ага, понятно, – Таньский осмотрела торбы. – И как мы это дотащим, по-твоему? Выючных верблюдов на парковке я что-то не заметила.

– Ой, да ладно тебе! – махнула рукой я. – Здесь же недалеко, будем добираться короткими перебежками. Главное, чтобы ручки у пакетов выдержали.

– Жабя ты жадная, – грустно констатировала подружка и, взяв два пакета, потащила их к выходу.

– На том стоим, – просопела я, грузно шагая под тяжестью своей половины ноши.

Домой мы добрались практически без потерь, правда, выглядели к концу похода не очень презентабельно, думаю, у прохожих наш вид рождал одну и ту же ассоциацию: «Это кто?» – «Кто-кто, конь в пальто». Уточним: не кони, а лошади, причем одна из лошадей, Таньский, в рыжей дубленке. Ей пришлось хуже моего, поскольку, когда зверский аппетит пинками выгонял меня из дому, я схватила первое попавше-

еся одеяние. Им оказался пуховик, в котором я мусор выношу. Не совсем «от-кутюр», но братские чувства у местных бомжей я в нем пока не вызываю. Зато плестись с сумками мне было не в пример легче, а вот Таньский... Она недавно купила себе славную рыжую дубленочку и, естественно, собираясь в гости, не могла отказать себе в удовольствии покрасоваться, хотя на улице было от силы два градуса мороза.

В общем, когда мы ввалились в квартиру, Таньский была похожа на обмусоленный щенком ботинок, поэтому я не стала бухтеть, когда моя подружка, сбросив дубленку и побросав в прихожей пакеты, первым делом бросилась в ванную.

Пока она там плескалась, я разобрала покупки и занялась подготовкой сокрушительного ужина. Выпущенная из холодильника сила воли укоризненно на меня посмотрела и обреченно ушла в угол за батареей. Греться и дуться.

Когда посвежевшая и порозовевшая подружка вышла из ванной, завернувшись в мой халат, процесс готовки был в самом разгаре.

– И почему я все это терплю? – грустно обронила Таньский и, взяв нож, занялась салатом. – Ведь как обычно бывает у интеллигентных людей? Приглашение в гости означает, что ты придешь нарядная, тебя встретят у накрытого стола, предложат тапочки, усадят поудобнее, чтобы из окна не дуло, и под бутылочку легкого вина можно вести беседы о вечном. О мужиках, например. А тут? Я, как положено, навела немыслимую красоту, прибыла в гости, причем, прошу об-

ратить внимание, не с пустыми руками, а с бутылочкой того самого легкого вина – и что? Вначале меня используют, как ишака, нагрузив неподъемными торбами, в результате чего вся немислимая красота была смыта трудовым потом. Едва я, слегка освежившись, вышла из ванной, отчаявшись выглядеть достойно и завернувшись в этот убогий халат, мне, гадко ухмыляясь, предложили почетную должность кухарки!

– Это ты с кем сейчас разговариваешь? – полюбопытствовала я. – Если с едой, то, Таньский, пора.

– Куда пора? – не поняла еще не вышедшая из образа униженной и оскорбленной подруга.

– На обследование к психиатру! – Я злорадно хихикнула. – Симптомчики у тебя того.

– Чего «того», чего «того»! – голосом Василия Алибабавича заблажила Таньский.

– Дурдом по тебе плачет, вот чего! Это я тебе как узкий специалист говорю!

– Так, сейчас один узкий специалист станет совсем узким, когда я его в лапшу порублю! – подруга воинственно замахала ножом. – Меня, в довершение ко всему, оскорбляют!

– Ага, – радостно закивала я. – А еще я сейчас по поводу твоей фигуры начну изгаляться.

– Ой, держите меня семеро! – Таньский, закончив строгать салат, полезла в холодильник за майонезом. – Кто-то, похоже, считает себя очень хитрой и надеется, что доведенная до отчаяния подруга, закончив приготовление пищи и

накрыв стол, не выдержит издевательств и, рыдая и заламывая руки, унесется в ночь. Так вот вам, – в нос мне уперлась вымазанная майонезом фига, – не дождетесь!

– Не удалось! – Я прищелкнула пальцами. – Что ж, придется с тобой поделиться. Можешь взять те две помидорки, вот еще тебе огурчик, и бери, от сердца отрываю, два, нет, три кусочка хлеба! Уф, молодец я, правда?

– Умгум, молодец, – согласилась подруга, с удовольствием дегустируя собственноручно приготовленный салат. – Ты, главное, не останавливайся, говори. А я буду слушать.

– А Таньский слушает да ест. За вами должок, мадам, получите, – моя фига, в отличие от ее, была чистенькой, так что небольшой перевес в битве титанов остался на стороне Таньского.

Ох, каким же все было вкусным! После недели «здорового питания» и кусок вареной колбасы покажется мечтой гурмана, но без ложной скромности отмечу, что стол мы с Таньским соорудили славный. Конечно, до Анжелы нам далеко, но она ведь профи, а мы – так, любители.

Когда был утолен первый, а потом и второй, и третий голод, мы решили посмотреть телевизор, поскольку наелись так, что даже разговаривать не было сил.

Я нажала на кнопку пульта. На экране появилась заставка «Вести», затем диктор стал читать анонс программы.

– Ой, новости, ну их, – заняла Таньский, – от них только изжога начнется, переключи на что-нибудь веселенькое.

– Сейчас, – я снова взяла пульт в руки, но...

На экране появилось изображение чудовищно искореженной машины, диктор что-то говорил о серьезной аварии, прозвучала фамилия «Майоров». Пульт выпал у меня из рук, голова закружилась, видимо, я побледнела так, что Таньского пулей снесло с дивана, она обхватила меня руками, прижав к себе:

– Что ты, Аня, еще же ничего не ясно, давай подождем, скоро сюжет целиком покажут.

– Это она, – выдавила я.

– Кто?

– Жанна. Я же говорила, она нас в покое не оставит. Господи, Лешка... – Сердце сжалось и словно перестало биться. Кровь в венах застыла. В голове – вязкая пустота. Нет боли, нет света, нет звука. И меня нет. Кто-то трясет меня за плечи, а потом бьет по щекам. Зачем, не надо, пустите, я пойду. Но этот «кто-то» настойчив до безобразия. Наконец я с трудом открыла глаза и увидела над собой испуганное лицо Таньского.

– Ты чего дерешься? – прошептала я.

– А ты чего? – подружка всхлипнула. – Глаза закатила и – хлоп. Дыхания не слышу, сердца не слышу, синяя лежит вся. Я сама чуть не умерла от ужаса, хорошо, твой Майоров позвонил. Он мне и сказал, что делать. Видишь – получилось.

– Подожди-подожди, – я приподнялась, – кто позвонил?

– Да Майоров твой, – сквозь слезы улыбнулась Тань-

ский, – он и сейчас на проводе, ждет.

Я выхватила трубку и дрожащим голосом спросила:

– Лешка?

– Я, зайцерыб, я, – теплый Лешкин голос растопил лед в венах и запустил сердце. Но, похоже, оттаяла не только кровь, поскольку из глаз потекли слезы, и я захлопала носом. Услышав эти звуки, Лешка зачистил: – Успокойся, со мной все в порядке, я вообще не хотел тебе говорить, но прыпы-телевизионщики раньше меня на место аварии успели.

– Как – на место аварии? Так тебя в машине не было?

– Ну да. Нам пора было на концерт ехать. За мной, как обычно, машину прислали, но я задержался, ответ на твое письмо заканчивал, а поскольку хотелось подробно описать все свои желания, которые я собираюсь осуществить после возвращения... – я покраснела, Таньский с любопытством уставилась на меня, а Лешка продолжал: – Поэтому я решил ехать позже, в автобусе с музыкантами. А в моей машине поехал Виктор.

– Как он, что с ним? – заволновалась я. Лешкин администратор мне нравился, славный парень, да и помог он здорово Лешке в моих поисках.

– Неважно, – чувствовалось, что Майоров искренне переживает, Виктор стал ему настоящим другом. – Он сейчас в реанимации, а я не могу к нему поехать, концерт никто не отменял, люди уже слышали об аварии, толпа собралась возле концертного зала, волнуются. Вот отработаю программу

– и в больницу. Если Виктора можно перевозить, отправлю в Москву.

– А сам?

– А мне придется ехать дальше. Впереди еще две недели гастролей.

– Как же ты без администратора?

– Ничего, думаю, справлюсь.

– Лешка, глупый, я чуть не умерла, – я снова всхлипнула.

– Да я сам чуть не умер, – дрогнул Лешкин голос, – звоню, а трубку берет твоя подружка и истерически вопит, что ты услышала новость, упала и не дышишь. Весело, правда?

– Весело, – хрюкнула носом я.

– То-то. Правда, надо отдать должное твоему Таньскому, она все сделала правильно, и ты, смешной хомяк, снова со мной. И пожалуйста, не пугай так больше деда Леху, дед Леха старенький, дед Леха и помереть может.

– Только попробуй, – пригрозила я, – умру следом и покажу там тебе небо с овчинку.

– Вот теперь это точно ты, – удовлетворенно вздохнул Лешка, – узнаю брата Колю. Ладно, я пошел, пора начинать. Целую. И спасибо тебе.

– За что?

– За то, что ты есть у меня, за то, что пишешь письма, на которые хочется побыстрее ответить, и за то, что я задержался сегодня, дав волю своим эротическим фантазиям.

– Да вы, сударь, просто маниак какой-то! – манерно прогундосила я. – В вашем-то возрасте, любезный, о профилактике простатита заботиться следует, а не эротическим мечтаниям предаваться.

– Ах, вот так, значит? – угрожающе зарычал Лешка. – В безопасности себя ощущаем и хамим любимцу публики? Так ведь я вернусь скоро, наглый жабс, и тогда уж – не обессудь.

– Начинаю дрожать от ужаса, – хихикнула я и, облегченно вздохнув, положила трубку.

ГЛАВА 3

Остаток вечера мы с Таньским провели плодотворно: поревели от радости, что с Лешкой все в порядке, потом выпили за это, поревели от жалости к Виктору, потом выпили за него, поревели от ужаса перед природными катаклизмами, потом выпили за МЧС. Потом не помню. Надо же и отдохнуть, верно?

Как хорошо, что следующее утро оказалось субботним! Иначе сослуживцы Таньского были бы весьма озадачены внешним видом своего бухгалтера, а у начальства появились бы подозрения по поводу ее профпригодности и порядочности. Да и я не излучала шарм. С такими опухшими физиономиями только бутылки под скамейками собирать. Да, господи, вынуждена в очередной раз констатировать, что сочетание слез и спиртного дает просто сногшибательный результат!

Когда я выползла на кухню, там уже сидела мрачная подруга и шумно хлебала кофе из большущей кружки.

– Привет труженикам Крайнего Севера! – бодро просипела я, наполняя кофе емкость не меньше.

– На себя посмотри, мечта оленевода, – буркнула Таньский. – Вечно с тобой так. Ведь принесла же бутылочку легкого вина, хотелось провести вечер красиво, изысканно. Ага, щас! Опять банально нажракались!

– И почему банально? – обиделась я. – Вовсе даже фантазийно получилось! И бутылочку твою мы первой выпили, еще до новостей, помнишь?

– С трудом.

– Алкашка ты, Таньский.

– На себя посмотри, – подруга вяло огрызнулась.

– А что я? Я лично прекрасно все помню. Или почти все. Значит, опьянела не сильно. А ты вообще ничего не помнишь, следовательно – что?

– Что? – заинтересовалась Таньский.

– Следовательно, при равном количестве потребленного спиртного ты отключилась раньше, а быстро пьянеют кто? Алкаши. Мы, люди мало и редко пьющие, дольше сохраняем связь с реальностью! – гордо закончила я свою лекцию.

– Не таракти, – отмахнулась подруга, – а лучше в зеркало пойди загляни. «Ты все поймешь и все увидишь там!» – провыла она дурномявом.

Остаток утра мы посвятили восстановлению руин, в которые превратились наши лица. Звонил Лешка, сообщил, что отправил Виктора в Москву. Состояние тяжелое, но он выкарабкается. По поводу аварии пока не ясно – случайность это или нет. Да и, похоже, местным гаишникам (или гибэдэдэшникам?) не очень хочется возиться с этой историей. Вот если бы сам Майоров пострадал – пришлось бы напрягаться, а так... Лешка оптимистично уверял меня, что злого умысла в происшедшем нет, дело обычное: дорога скользкая, встреч-

ную машину занесло, и она врезалась в автомобиль, в котором находился Виктор. К тому же удар пришелся как раз с той стороны, где сидел Виктор. А удар был нехилый, поскольку встречной машиной оказался «МАЗ». Спасла администратора подушка безопасности.

Несмотря на Лешкин оптимизм, на душе у меня было беспокойно. Я ведь точно знаю, что Жанна рано или поздно даст о себе знать. Она не из тех, кто умеет проигрывать, она злопамятна и мстительна, ночная хищница, неясить.

Пока Таньский была со мной, мне удавалось отвлекаться от происшедшего, но, когда подруга ушла, сомнения набросились на меня с удвоенной силой и изгрызли так, что я не выдержала, схватила телефон и набрала знакомый номер.

– Инга Артуровна Левандовская слушает! – прощелбетал звонкий голосок.

– Привет, госпожа Левандовская, – улыбнулась я.

– Улечка, это ты? – радостно завопила Кузнечик. – Ты почему так долго не звонила?

– Да мы же с тобой всего три дня назад разговаривали, зверюшка вредная! – притворно возмутилась я.

– Не всего три, а целых три, – поправила девочка. – Улечка, а ты слышала, что с дядей Витей случилось? Вот ужас, правда? Бабушка с дедушкой, мама с папой, я – мы все так испугались, когда новости услышали, дедушка сразу бросился дядьке Альке звонить, а у него занято и занято.

– Это он со мной разговаривал.

– Я знаю, дядька Алька нам сказал, когда деда до него дозвонился. Мы и обрадовались, и огорчились. Дядю Витю жалко очень. Дедушка до сих пор расстроенный ходит, сердитый, все время куда-то звонит.

– А он сейчас дома, дедушка твой?

– Ага, в кабинете сидит.

– Дай ему трубочку, пожалуйста.

– Сейчас. Улечка, а когда ты в Москву приедешь, я соскучилась очень!

– Скоро, малыш, я тоже скучаю. Целую тебя, птичка.

– Я не птичка, я Кузнечик, – засмеялась моя маленькая подружка и побежала звать дедушку. У нас с ней игра теперь такая: я называю ее разными прозвищами, а она напоминает забывчивой Уле, как ее надо звать. Кстати, Кузнечик единственная, кому разрешается обращаться ко мне по имени, которым нарекла меня Жанна во время своего дикого эксперимента. Инга звала меня вначале Аннулей, а потом, хитрюга, сократила до привычной Ули. Но поскольку малышка была единственным светлым пятнышком в окружавшей меня тогда черноте, ее «Уля» не вызывала у меня отрицательных эмоций... Я вздрогнула, услышав в трубке раскатистый голос генерала Левандовского:

– Здравствуйте, Анечка!

– Добрый вечер, Сергей Львович!

– Рад вас слышать!

– Взаимно. Сергей Львович, извините, что беспокою, но

из-за этой аварии места себе не нахожу. Вы ничего не выяснили?

– Да выяснял, конечно. Мне это тоже не нравится. Прошло всего два месяца после тех событий – и такое происшествие. Сегодня весь день прозванивался по своим каналам – пока безрезультатно.

– В каком смысле?

– Я имею в виду, что выяснить причастность Кармановой к этой аварии не удалось. Пока, во всяком случае. Но я этого дела не оставляю, не волнуйся, Анечка, если там хоть что-то сомнительное будет, мои ребята шанса не упустят. Ты лучше скажи, как там Виктор?

– Леша говорит, что отправил его в Москву.

– А куда?

– Я пока не знаю. Леша, когда звонил, спешил очень.

– Ладно, я сам выясню. Ты когда приедешь в Москву?

– Постараюсь побыстрее. Мне нужно статью закончить, а потом буду свободна. Я позвоню вам обязательно, Кузнечик ведь ждет.

– Мы тоже ждем, Анечка. Ты столько для нас сделала, дочка, ты теперь нам родная.

– Спасибо вам, Сергей Львович! – растрогалась я. – Передавайте всем привет от меня.

– Обязательно. А ты Алексею от нас. Если у меня будут новости – сообщу. Ну все, будь здорова!

– До свидания, Сергей Львович!

Разговор с Левандовским меня не успокоил. Он тоже подозревает, что в этом замешана Жанна. Притихшие было сомнения, урча от нетерпения, набросились на меня снова. Так, похоже, выход один – с головой в работу.

Следующую неделю я фанатично трудилась над статьей, да так, что напугала своим энтузиазмом всех, даже Людочку, а ее напугать сложно. Во всяком случае, когда я принесла готовый материал, мне выплатили гонорар сразу, не дожидаясь выхода статьи – случай для нашей газеты неслыханный.

А в полюбившемся мне супермаркете мое вздернутое состояние тоже не осталось без внимания. Обслуживали меня исключительно вежливо, неподалеку неизменно маячил кто-то из охраны, вероятно, на случай неожиданного приступа буйства. Иногда ко мне присоединялась Таньский, и уж мы с ней оттягивались вовсю! Вчера, например, решили уделить повышенное внимание ряду хозяйственных прибабасов – всякие там чистящие, моющие, освежающие и прочие средства. Мне действительно нужен был ополаскиватель для белья, но на глаза попала синяя таблетка для унитазов – знаете, здоровенная таблетка, эдакий синий цилиндр сантиметров пяти-шести в диаметре и трех-четырёх в высоту, их бросают в бачок унитаза для дезинфекции и подкрашивания воды. Обычно я не читаю, что написано на упаковке, но после случая с ребрышками это мое любимое занятие, столько всего интересного узнать можно! Вот и сейчас, вчитавшись, я тихо хихикнула. Таньский вопросительно посмотрела на

меня. Я подсунула ей упаковку и показала пальцем нужное место. Подруга вытаращила глаза, а потом хрюкнула. Охранник Коля, которому сегодня досталась сомнительная честь нас сопровождать, нервно заозирался. Я же, схватив упаковку, понеслась прямо к нему. Следом, брэнча тележкой, рулила Таньский. Придав лицу максимально истерическое выражение, я начала тыкать упаковкой охраннику в лицо:

– Это что, это что, я вас спрашиваю?

– В смысле? – строгим голосом уточнил Коля, но дрожащая рука, которой он пытался отодвинуть таблетку от своего носа, выдавала его состояние.

– А вот, инструкция, читайте!

– И что тут не так? – удивился Коля, несколько раз перечитав пять строчек.

– Ну как же, вот, смотрите, написано: «Не глотать».

– Что, серьезно? – обалдел секьюрити. – А я и не заметил. Вот же чушь какая!

– Вы не правы! – прижала я к груди руки. – О, как вы не правы! Это очень правильное указание, потому что, например, моя подруга, – показала я на Таньского, стоявшую с радостно-идиотским выражением лица, – обожает эти таблетки, она неоднократно пыталась их проглотить, пока я не указала ей на инструкцию, а мы ведь женщины умные, верно, Танечка, мы все делаем по инструкции, вот она и оставила попытки их глотать.

– Ну-у-у, э-э-э, вы молодцы, девочки, – заблеял охранник, взор его заметался по залу в поисках подмоги. – Что же вас не устраивает, я не понял?

– Экий, вы, Коленька, несообразительный, – я укоризненно покачала головой. – Руководство магазина обязано дополнить инструкцию, раз уж производители не удосужились, хотя я им неоднократно писала!

– Чем дополнить? – Коля впал в транс.

– Надо дописать: «Не грызть»! – торжественно произнесла я, Таньский выхватила у меня упаковку, прижала к груди и, радостно облизнувшись, пустила слюни.

Занавес.

ГЛАВА 4

Автобус, мягко покачиваясь, в очередной раз проверял точность измерения расстояния от нашего города до Москвы. Ехать было не то чтобы долго, на машине вообще около двух часов, но автобус – это вам не какой-нибудь юркий автомобилешко, это о-го-го! Или э-ге-ге, если это «пазик» или «лазик». Но я ехала на «ого-го», то есть на относительно новом междугородном «Икарусе», который считал ниже своего достоинства разгоняться больше, чем на 60 км/ч, солидно пыхтя, протискивался к перронам всех райцентровских автовокзальчиков, мрачно сверкая фарами, отдыхал там минут по двадцать – короче, путь до Москвы на «о-го-го» занимал больше пяти часов. Пора, милочка, пора освоить премудрости вождения, сдать на права и обрести наконец свободу передвижения.

А пока, сидя у окошка и наслаждаясь «очаровательными» видами, характерными для поздней осени, я пыталась отбиться от навязчивых строчек, вертевшихся и зудевших у меня в голове:

Серый город, серый снег,

Слякоть.

Будет лужами зима

Плакать,

Будет снег опять мешать

С солью,
А унынье – пополам
С болью...

Ну и что это, скажите на милость, что? Что за упаднические настроения? Все ведь хорошо, Виктора уже перевели из реанимации в обычное отделение, авария была случайностью, генерал Левандовский приложил все усилия, чтобы выяснить картину происшедшего, но не нашел никаких признаков злого умысла, обычный пьяный идиот за рулем «МАЗа». Печально, но обыденно. Лешка звонит мне каждый день, подбадривая и утешая, вгоняя в краску и веселя, я еду в Москву, где буду ждать его возвращения, навещать Виктора и ходить в гости к Левандовским. Вроде все отлично, а сердце сжимает мягкая лапа тревоги, я не нахожу себе места, хочется хныкать и куситься. Нечто похожее творилось со мной летом, накануне того кошмара. Но что же еще может произойти? Ведь Жанночку я теперь к себе и на пушечный выстрел не подпущу. Опа, выстрел. А что, если эта дрянь решит отомстить простенько и без затей? Киллеры сейчас – дело обычное, вышлют вам прайс-лист, и готово. Думаю, за Майорова запросят много, а я так, оптом пойду.

Чертыхнувшись, я ударила кулаком по подлокотнику, который, обиженно крикнув, упал. Мадам шестьдесят второго размера, занимавшая соседнее сиденье, вернее, полтора сидения, растекшись и на половину моего, всхрипнула и испу-

ганно открыла глаза. Увидев, что ее тела вторглись на мою территорию и вжали меня в окно, сопоставив это со сломанным подлокотником и моей разъяренной физиономией, она попыталась сгрести свой студень в кучу покомпактнее и занять оплаченное ею место.

Эта возня отвлекла и развеселила меня. Да в самом-то деле! Что за гадость лезет в голову! Толстуха-соседка, решив, видимо, не спать больше, дабы я ее не придушила во сне, достала из торбы книжку, на обложке которой жгучий брюнет страстно обнимал знойную красотку, причем, судя по выпученным глазам красотки, у брюнета оказалась хватка удава. Раскрыв книгу в месте, отмеченном закладкой, нежная козочка погрузилась в мир «настоящих, пылких чувств». Закладка выпала из книги и спланировала мне на колени. Взглянув на нее, я улыбнулась. Привет, зануда, ты и здесь меня нашел! С календарика мне ослепительно улыбался расфуфыренный и напомаженный Майоров, застывший в нелепой позе. Заметив мою улыбку, толстуха вырвала у меня из рук драгоценный календарик и спрятала у себя на груди. У сердца. Вернее, на гигантском левом холме, под которым где-то глубоко-глубоко было закопано ее сердце. Я не выдержала и хихикнула, заработав откровенно враждебный взгляд соседки. Ну, Лешка, ну, проказник, лицом он как раз уткнулся в могучую сисю. Обязательно попинаю его сегодня, когда позвонит.

Самое интересное, что о наших отношениях с обожаемым

уже много лет половиной женского населения страны Алексеем Майоровым знали лишь близкие люди – Виктор, семья Левандовских и Таньский. Еще был в курсе Михаил Карманов, но он, в силу определенных обстоятельств, нем как рыба. Собственно, сами отношения, которые могли бы заинтересовать желтую прессу, длились чуть больше двух месяцев, но знали мы друг друга гораздо дольше. Впрочем, всего на полгода дольше, но сейчас кажется, будто всю жизнь. Эти полгода мы общались по телефону, позвонил мне Лешка, как автору заинтересовавших его текстов песен. А потом оказалось, что ближе и роднее этого внешне недоступного, замкнутого и эпатирующего своей необычной внешностью и нарядами эстрадного идола для меня нет никого. Странно, непонятно, необъяснимо, но это так – именно Лешка оказался той самой половинкой, с появлением которой мои сердце и душа обрели завершенность. И оторвать его от меня – значит, убить меня. Пафосно и избито звучит, но что же делать, если по-другому уже не будет. И у Лешки та же история. И десять лет разницы в возрасте не играют никакой роли, прикипели мы друг к другу намертво. Нет, наживо.

Но для широкой публики я – всего лишь автор текстов песен новой программы Майорова, с которой он теперь колесит по России. Надеюсь, так все и останется. То, что происходит в нашей жизни, не должно никого касаться. Да и фанатки не простят Майорову связи с обычной женщиной, одной из многих. Вот если бы это была звезда того же уров-

ня – тогда да, тогда можно. Актриса там, певица, или, на худой конец, моделька, «мисс Чего-нибудь». Это понятно. А такая, как я, – непонятно. А нам и не нужно. Кроме того, все уже привыкли, что личная жизнь Алексея Майорова – табу. Никогда его имя не мелькало в желтой прессе в связи с каким-нибудь скандалом. Ни один журналист не нарыл ничего мало-мальски компрометирующего Майорова. И не мог нарыть, теперь-то я знаю, потому что порядочнее и честнее человека я не встречала. Не верите? И не надо, нам и так хорошо.

Внезапно рядом со мной заквакал вантуз. Я с опаской посмотрела на свою соседку, неужели у нее не в порядке вестибулярный аппарат и сейчас она познакомит меня со своим завтраком? Учитывая габариты объекта, достанется и сидящим впереди. Но, присмотревшись, я облегченно вздохнула. Все в порядке, бабса не тошнит, бабс растрогался и решил всплакнуть. А что звуки издает такие затейливые, так это особенности организма. Боюсь предположить, что происходит в помещении, когда этот лютик храпит. Тем временем, нарыдавшись, дама трубно высморкалась, отлепила от сиси портрет Майорова, смачно поцеловала его и прилепила обратно. Экий ты, парень, прилипчивый!

Наконец автобус дотрюхал до Москвы. Покатав нас еще с полчаса по городским улицам, он выбросил изрядно надоевшую ношу на автовокзале и удовлетворенно засопел, закрывая дверь. А меня атаковал маленький ураганчик по имени

Кузнечик:

– Улечка! – цепкие руки моей маленькой подружки со-
мкнулись у меня на шее, а владелица этих цеплялок, радост-
но вереща, висела на мне, обхватив еще и ногами.

– Знаешь, Кузнечик, – пропыхтела я, бросая сумки и под-
держивая ерзающую малышку, – ты все же не кузнечик.

– А кто? – хихикая, заглянула она мне в глаза.

– Обезьянчик, вот кто. Повисла на бедной Уле, словно
обезьяныш на маме. Кузнечики так не умеют.

– А откуда ты знаешь, что не умеют? Ты что, видела, как
кузнечата на кузнечихах сидят?

– Вообще-то, нет...

– Ну вот, а говоришь, – победным тоном заявила девоч-
ка, – именно так кузнечики себя и ведут!

– Инга, ты что, на Уле и домой поедешь? – смеясь, подо-
шла к нам Алина.

– Нет, домой мы на машине, мамочка, а вот до машины –
на Уле. Тогда она точно не сбежит, – совершенно серьезно
ответила Кузнечик, поудобнее устраиваясь у меня на руках.

Алина расхохоталась, подхватила мои сумки, раз уж мне
пришлось тащить непредвиденную ношу, и мы двинулись по
направлению к машине.

По пути, слушая неумолкающий щебет Инги, я украдкой
посматривала на Алину. За два месяца бывшая Ксюша за-
метно похорошела, расцвела, из взгляда ушли загнанность
и обреченность. Она снова была дома, в кругу любящих ее

людей, а то, что память к ее мужу пока не вернулась, Алину не пугало. Она была абсолютно убеждена, что это лишь вопрос времени.

Пока Алина укладывала мои сумки в багажник, я пыталась усадить в машину Кузнечика. Делом это оказалось непростым, поскольку разыгравшаяся малышка брыкалась, хохотала и цеплялась руками за дверцу. Пришлось применить запрещенный прием под названием «щекотка», и только тогда удалось втолкнуть ребенка внутрь. Наконец все уселись, и Алина плавно вырулила со стоянки.

– Алиночка, меня, пожалуйста, к Лешиному дому, адрес ведь знаешь? – устало откинулась я на спинку сиденья.

– Никаких Лешиных домов! – категорично заявила Алина. – До приезда твоего ненаглядного поживешь у нас.

– Но...

– Не слышу! – оборвали меня. – Нечего тебе одной там сидеть целую неделю. Жалобы и пожелания – в письменном виде, в трех экземплярах, прошу передать генералу Левандовскому. Срок рассмотрения жалоб – месяц. О принятом решении вас уведомят.

– Сильные, да? – я шмыгнула носом. – Справились, да? Супостаты!

На заднем сиденье довольно хихикали.

ГЛАВА 5

С недавних пор Левандовские жили все вместе, после целого года неизвестности и слез Ирина Ильинична и Сергей Львович боялись отпустить от себя сына и невестку дальше чем на метр. Пока Артур лежал в клинике Карманова, генерал, поселив Алину с Кузнечиком у себя, буквально за две недели устроил обмен квартиры сына на соседнюю со своей. Думаю, стоило это ему немалых денег, но своего он достиг – отныне обожаемые дети всегда будут рядом. Меня поселили в апартаментах старшего поколения, поскольку у них были две свободные комнаты.

Вечером в честь дорогой гостьи был накрыт стол, которому я не могу подобрать определение, убогое «обильный» здесь не прокатывает. Одно знаю твердо: ТАК на ночь напихиваться нельзя. Но милая Ирина Ильинична, не зная, видимо, как еще выказать мне свою благодарность, решила уморить меня вкуснейшей едой. Увидев гигантский стол, на котором теснилось немыслимое количество блюд (а ведь это были только холодные закуски!), я оказала стойкое сопротивление. И длительное. Целых сорок восемь секунд.

В итоге в комнату меня впору было везти на тележке, да еще желательно по каменистой дороге, чтобы тележка подпрыгивала и толчки больно отдавались в том месте, которое сегодня вечером заменило мне голову. Если так пойдет даль-

ше, к Лешкиному приезду я вырасту из всех одежек. Причем не в длину, а в ширину. Живо представив, как радостный Майоров вихрем врывается в комнату, где, шумно сопя и пыхтя от усердия, из кресла пытается выбраться бурдюк с салом, я ощутила омерзение к самой себе, обжоре. «Прелестно!» – слышалось карканье вороны из мультика о блудном попугае.

Мобильник запиликал мелодией песни Майорова. Наклонившись, я вытащила из-под кресла сумку, выкопала в ее недрах телефон.

– Привет, старый развратник, – произнесла слабым голосом я.

– Ага, сразу два вопроса, – Лешкин голос был суров. – Во-первых, почему старый, во-вторых, что за голос, ни дать, ни взять – чахоточная тургеневская барышня? Или опять на диете?

– Знаешь, Лешка, хорошо, что у тебя какой-никакой голос есть, – я грустно вздохнула, – хоть чем-то на хлеб в состоянии заработать, а вот что касается прозорливости и житейской мудрости, то в этом вы, сударь, полный ноль.

– Попрошу аргументировать свои гнусные инсинуации! – нудно задрезжал Майоров.

– И не пытайся меня сразить эрудированностью, я прекрасно знаю, что твоя настольная книга – «Толковый словарь русского языка». Теперь отвечаю на вопросы. Голос у меня слабый не от диеты, а от обжорства. Ирина Ильинична под-

вергла сегодня немислимым испытанием мою силу воли, а она, сила эта, подточена и изгрызена недавней борьбой, поэтому испытания не выдержала.

– Нафаршировалась, – ехидно констатировал этот негодяй.

– Ага, – уныло согласилась я, – и еще как! А по поводу первого вопроса – так ты, дед Леха, еще со Сталиным в семинарии учился, сам хвастался. А выглядишь замечательно благодаря тому, что в свое время спер у товарищей по партии секрет мумифицирования, разработанный для Владимира Ильича Ленина. Ты, Лешенька, главное, не прыгай так по сцене, а то еще ручка отвалится или ножка. Или еще что-нибудь очень нужное.

– Редкая ты все же гадость, – загрустил Майоров. – И за какие грехи меня господь наказал?

– Могу перечислить, за какие, – я оживилась.

– Не надо! Лучше расскажи, как доехала, как устроилась...

Следующие полчаса я выпытывала у несчастного подробности его интимной встречи с грудью моей соседки по автобусу, и, дождавшись красочных описаний того, как жестоко он мне отомстит, когда я буду в полной его власти, с чувством выполненного долга положила трубку. Всего какая-то неделька – и Лешка будет рядом.

Утром мы с Алиной и Кузнечиком навестили Виктора. Если честно, выглядел он ужасно – там, где не было бинтов,

виднелись синяки и кровоподтеки, беднягу всего истыкали капельницами и увешали аппаратурой. Представив, что это мог быть Лешка, я разревелась. Хорошо, хоть стрекот Кузнечика отвлекал в этот момент Виктора, а то расстроила бы парня. Он был еще очень слаб, поэтому врач вытолкал нас буквально через двадцать минут после приезда. Пригрозив Виктору, что не оставим его в покое и будем навещать каждый день, напугав его диким количеством пирожков, испеченных Ириной Ильиничной, мы вывалились из палаты.

Позже, когда я вспоминала эти дни, проведенные у Левандовских в ожидании Лешкиного возвращения, меня не оставляло ощущение тихого счастья, пушистого домашнего уюта и запах сдобного теста.

В день возвращения Майорова с гастролей все рухнуло.

Поскольку Виктор все еще был в больнице, на вокзал встречать Алексея, его музыкантов и остальную бригаду поехали Артур, Алина и я. Кузнечика, несмотря на ее искреннее негодование, оставили дома. Подъехали мы на трех микроавтобусах с охраной, как сказал Виктор, поскольку фанаты Майорова всегда каким-то образом вынюхивают, когда и как он возвращается в Москву. Команда Шурочки Лапченко в счет не идет, они теперь в приятельских отношениях с Алексеем, который очень благодарен «эскадрону Лапченко» за помощь в расследовании моего исчезновения.

Как и следовало ожидать, на перроне собралась толпа народу, состоящая преимущественно из парней самого бандит-

ского вида и безумных теток, напоминающих штатных кликуш. Восторженных лиц я что-то не заметила, как и букетов цветов.

– Это всегда так? – недоумеваю, спросила я у одного из охранников.

– Нет, – нахмурился тот, – такого я не помню.

Он отошел к своему шефу, они о чем-то посоветовались, потом вместе подошли к нам.

– Вот что, – голос начальника охраны был ровным и спокойным, но напряженный взгляд выдавал волнение, – похоже, тут что-то затевается. В каком вагоне Майоров?

– В восьмом, – Артур тоже забеспокоился: – Что происходит, по-вашему?

– Если бы я знал, – мрачно процедил шеф секьюрити. – Но из вагона Майорову лучше не выходить. Так, Игорь, Антон, Петр, – стараясь не привлекать внимания, негромко распорядился он, – по одному, не спеша продвигайтесь к месту, где должен остановиться восьмой вагон. Как только проводник откроет дверь, сразу прыгайте внутрь и блокируйте вход. Насколько я знаю, Майоров и его команда обычно занимают весь вагон, так что посторонних там быть не должно. Проводник, думаю, проблем не создаст. А я пойду договариваться с вокзальным начальством, чтобы вагон отцепили и загнали туда, куда посторонние попасть не смогут.

– Я позвоню отцу, – достал телефон Артур, – думаю, помощь ФСБ нам не помешает.

– Точно, – оживился охранник, – это все упростит. Возможно, я перестраховываюсь, но опыт мне подсказывает, что здесь намечается нечто неприятное. Буду рад ошибиться.

К сожалению, опыт не обманул охрану. Когда, устало сопя, волоча за собой надоевшие ему до чертиков вагоны, к перрону подкатил тепловоз, толпа заволновалась. Люди, пришедшие встречать других пассажиров, недоуменно оглядывались. Я рванулась было вперед, но Артур успел схватить меня за руку:

– Ты куда?

– Как куда? – кудахтнула я. – Алексея встречать, естественно.

– Ничего не соображаешь! – разозлился Артур. – Ты же слышала – дверь будет блокирована изнутри. Не хватало, чтобы ты начала скакать, как мартышка, под окнами с криками: «Лешенька, открой окошко, я запрыгну!»

– Сам ты реликтовый гоминоид, – обиделась я, – мне при всем желании в окно не влезть. И вообще, по-моему, вы тут ерундой занимаетесь. «Блокировать двери, вызвать спецназ!» Может, еще парочку вертолетов подгоните?

– Не мешало бы, – процедил шеф секьюрити, – похоже, началось.

Не веря своим глазам, я смотрела на перрон. Охранники не подвели. Едва дверь восьмого вагона приоткрылась, они молниеносно запрыгнули в него, втолкнув обратно обалдевшую проводницу, и заперлись изнутри. В ту же секунду в ок-

на и двери вагона полетели помидоры, яйца и какая-то непонятная гадость. Толпа волной нахлынула на вагон. Пассажиры, выходявшие из девятого и следующих вагонов, в испуге метались по перрону, не в силах пробиться сквозь потное и орущее, многоголовое и многорукое чудище, яростно атакующее поезд. Слышался отборный мат, качки полезли на крышу, били в окна палками, кликуши орали наперебой, брызгая слюной. Сначала я не могла разобрать, что вопят эти сумасшедшие. Но постепенно из общего ора стали выделяться отдельные фразы, и над перроном понеслось:

– Майоров – садист и извращенец!

– Сволочь, верни детей!

– Ты от нас не спрячешься, тварь!

– Бей окна, вытаскивай этого...!

– Куда ты дел мою девочку, падаль!

Мне показалось, что я попала в какой-то параллельный мир. Нереальность происходящего била меня наотмашь, вколачивала в землю. Я беспомощно оглянулась на своих спутников, но, судя по их лицам, они понимали не больше моего.

Тем временем ситуация накалялась, зазвенело разбитое стекло. Парни, похожие в своих блестящих кожаных куртках на черных слизней, полезли в окна, изнутри их выталкивали обратно. Сжав кулаки, я зажмурилась. Господи, что же это? Почему?

Но тут раздались божественные звуки милицейской сире-

ны, на перрон ворвались ребята в черных масках и камуфляже. В игру вступил генерал Левандовский.

В считанные минуты был наведен порядок. Слизни, складированные аккуратными рядами, лежали мордами вниз на асфальте, вдоль вагона вытянулась цепочка спецназовцев, мимо них, ступая чуть ли не на цыпочках, проходили злосчастные пассажиры дальних вагонов, кликушествующие тетки исчезли, словно по мановению волшебной палочки.

И пружина, сжимавшаяся у меня в груди, разом ослабела. Я опустилась прямо на декабрьскую слякоть и тихо заскулила.

ГЛАВА 6

По дороге с вокзала в микроавтобусе было непривычно тихо. С нами ехали музыканты Майорова, самого Алексея пришлось везти под охраной спецназа в их автобусе. Я даже не смогла с ним встретиться, поскольку к автобусу он проскочил, окруженный плотным кольцом крепких парней.

Ехали мы к Левандовским. Во-первых, там нас ждал Сергей Львович, у него уже была какая-то информация, а во-вторых, домой Майорову ехать было опасно.

Я была завернута в куртку Артура, поскольку мое пальто после медитирования в грязной луже потеряло светский лоск и теперь обиженно скорчилось на соседнем кресле. Алина прижалась к мужу, словно боялась, что кто-то злой оторвет ее от родного человека. А я еще острее ощущала свое одиночество. Хотя Лешка ехал следом, всего в каких-то ста метрах от нас, я физически ощущала дикую боль, словно с хрустом, с кровью, без наркоза меня разрывали пополам. Вся маета, тоска, мучившие меня последние две недели, теперь радостно скалились и потирали потные лапки – вот тебе, получи!

Кузнечик, наверное, уже знала о происшествии на вокзале, потому что, когда мы вошли в квартиру, она не бросилась, как обычно, с радостным визгом навстречу, а, широко распахнув глазницы, подошла ко мне, обхватила ладошками

мою руку и спросила дрожащим голосом:

– А... А где дядька Алька?

– Он скоро будет, маленькая моя, – крепко обняв девочку, я захлопала носом. – Он в другой машине ехал, следом за нами.

– Уля, не пла-а-ачь, – залилась слезами малышка.

– А сама-то? – Я из последних сил крепилась, но не выдержала и присоединилась к Кузнечику.

Мы так самозабвенно рыдали, что послышались всхлипывания и со стороны Алины. Хорошо, хоть Ирины Ильиничны не было рядом, ей лишние переживания ни к чему. Очевидно, предусмотрительный Сергей Львович задержал ее в комнате.

Минут через пять в дверь позвонили. Артур пошел открывать. На пороге стояли два гиганта в камуфляже, Алексея за их спинами почти не было видно. Один мальчонка, боясь наступить в лужу, которую мы успели наплакать, гулко кашлянул:

– Здравсьте. Мне бы Сергея Львовича.

– Да, Володя, слушаю, – из комнаты появился Левандовский в генеральской форме: когда ему позвонил Артур, он был на службе.

– Вот, товарищ генерал, задание выполнено, доставлен в целости и сохранности.

– Молодцы, можете пока быть свободны, – устало махнул рукой Сергей Львович.

Парни посторонились, и в прихожую вошел Алексей. Артур закрыл дверь, Лешка бросил свои сумки, плюхнулся на банкетку и устало прислонился к стене. Увидев его измученное и бледное лицо, на котором, как Лешка ни старался скрыть, явно читались горечь и обида, я не выдержала. Каплей ртути перетекла к Лешке, обволокла его и, уткнувшись носом ему в шею, вдыхая самый родной в мире запах, заголосила с удвоенной силой. Следом подключились Алина и Кузнечик, из комнаты послышались подвывания Ирины Ильиничны. В общем, «Плач Ярославны» в исполнении грузинского хора.

Мужчины молча переглянулись и начали действовать. Через несколько минут мы были в гостиной, Алина увела судорожно всхлипывающую дочку в ее комнату, Ирина Ильинична, утирая слезы, хлопотала у стола. Только для меня не нашлось отвлекающего занятия, и я по прежнему висела на Лешке, как бронежилет. Если только можно представить рыдающий бронежилет. Славно получилось бы: бой, одна из пуль попадает в грудь бойца, и тут его броник, приняв на себя удар, начинает истерически рыдать и вопить, что хозяин его совсем не любит. Эта воображаемая картинка разогнала слезы, хотя, возможно, они просто кончились, и я фыркнула от смеха.

– Надеюсь, ты не высморкалась? – забеспокоился Лешка.

– Вот ты, значит, как, – прерывающимся голосом пропыхтела я, все еще не в силах оторваться от него. – Я тут испере-

живалась вся, слез два ведра нарыдала, а он о чем беспокоится – не обсморкала ли я его кудри! Дубина ты стоеросовая!

– Ага! – радостно согласился Лешка. – Буратино. Молодой и задорный паренек из полена.

– Насчет полена согласна, – я смогла чуть-чуть ослабить хватку и даже подняла голову, заглянув в его теплые темные глаза. – А вот насчет молодости этого полена могу поспорить.

– Слава богу, хомка, ты опять вменяема, – Лешка рассмеялся.

– Это когда это я была невменяема? – возмутилась я.

– Ну вот, теперь можно и поговорить, – удовлетворенно пророкотал Сергей Львович. – Все успокоились, пришли в себя. Давайте чайку попьем, пока Алина малышку уложит спать, а потом уж все вместе обмозгуем, как быть дальше.

– А вы знаете причину сегодняшнего кошмара? – спросила я.

– Знаю. И она, если честно, очень дурно пахнет, – Левандовский потер виски. – Но об этом позже, хорошо? Давайте-ка лучше пирогов поедим, которые Иринушка для дорогого гостя затеяла, – тепло посмотрел он на вошедшую в гостиную жену.

В руках Ирина Ильинична держала блюдо, на котором, кокетливо выставив румяные пузички, горкой лежали пирожки, источая аромат, по сравнению с которым всякие там ароматы «от-кутюр» – просто струя скунса. Милые женщины,

поверьте, если бы существовали духи с запахом сдобного теста, то у мужиков не было бы ни одного шанса. Ведь, если задуматься, поговорка насчет пути к сердцу мужчины верна на все сто двадцать процентов. Посудите сами, какие эпитеты в отношении женщин они предпочитают? Сексапильная, элегантная, изысканная? Ага, как же! Аппетитная, сочная, сладенькая – вот их лексикончик. И если от дамы будет исходить аромат сдобной булочки – объект вашей охоты побежит за вами, держа у подбородка баночку для сбора слюны.

За время ужина все оттаяли, то, что случилось, казалось просто дурным сном, который не вернется, стоит только произнести: «Куда ночь – туда сон».

Однако ночь еще только начиналась...

После того как Ирина Ильинична ушла на кухню наводить порядок, за столом возникла неловкая пауза. Никто не хотел первым нарушать безмятежную атмосферу уюта и тепла. Наконец Сергей Львович молча встал, вышел в свой кабинет и вернулся оттуда с пачкой газет в руках. Он с отвращением швырнул их на стол:

– Вот, полюбуйтесь на эту грязь.

– Это что, желтая пресса? – с надеждой спросила я. – Так ведь кто ей поверит!

– Нет, Аннушка, к сожалению, это одна из центральных газет, – генерал устало сел в кресло. – Конечно, в последние годы все издания, даже очень солидные, озабочены своим рейтингом и охотятся за жареными фактами, но эта газе-

та обычно публикует материалы мало-мальски подтвержденные.

– И что они могли нарыть? – недоверчиво спросил Алексей. – Я-то знаю, что кашу варить не из чего.

– Читайте, сами увидите, – Сергей Львович откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Я протянула руку к газетам, веером рассыпавшимся по столу. Рука дрожала так, что впору было поддержать ее другой, если бы другая вела себя так же. Встретившись глазами с Алиной, которая жалобно смотрела на меня, не решаясь взять газету, я криво улыбнулась и храбро цапнула ближайший экземпляр. Поскольку руки все еще увлеченно разыгрывали «пляску святого Витта», развернуть газету мне удалось с третьей попытки. Следом за мной к столу потянулись все остальные, и гостиная на время превратилась в избу-читальню.

Через весь разворот тянулся кричащий заголовок: «Грязная тайна Алексея Майорова!» Ниже был размещен ряд фотографий, расположенных попарно. Слева – снимок, сделанный, очевидно, во время концерта Майорова, на котором Алексей, улыбаясь, целует в щечку смущенную девочку, протягивающую ему букет цветов. Справа – фотография этой же девочки, но обычная, как на документах. И таких пар было пять. Ниже, по всей площади газетного разворота, были разбросаны в произвольном порядке еще несколько фотографий, с которых смотрели улыбающиеся детские лица.

Там были не только девочки, но и мальчики. И, собственно, сам текст:

«Личная жизнь звезды отечественного шоу-бизнеса, мега-звезды нашей эстрады, любимца публики Алексея Майорова всегда оставалась тайной за семью замками. Везде и всюду, на всех тусовках он появлялся либо один, либо в компании своего администратора. Ходили даже слухи о его нетрадиционной сексуальной ориентации. Но правда, похоже, гораздо страшнее, чем такое, невинное по нынешним временам, пристрастие.

Корреспондент нашей газеты, оказавшийся по семейным обстоятельствам в городе Н., решил сходить на концерт приехавшего туда на гастроли Алексея Майорова, тем более что родственник нашего корреспондента – работник Дворца спорта, где должно было состояться шоу. В общем, он оказался за кулисами. А поскольку наши сотрудники везде стараются найти материал для статьи, то и в этот вечер журналист прихватил с собой фотокамеру – авось что-нибудь и получится. Но ничего экстраординарного не произошло, концерт прошел, как обычно, на ура, и наш корреспондент сделал всего несколько снимков, в том числе и этой забавной малышки, Олечки Зайцевой (фото № 1). На следующий день Майоров отбыл дальше, а журналист продолжил решать свои домашние проблемы. Но через день по местному телевидению показали фотографию девочки, пропавшей без вести (фото № 1а). Нашему корреспонденту показалось, что он

уже где-то недавно видел это лицо, и он решил посмотреть снимки с концерта. То, что он увидел, вы, уважаемые читатели, оцените сами.

И тогда журналист, узнав дальнейший маршрут гастрольного тура Алексея Майорова, выехал в город, где должен был состояться очередной концерт. И ездил следом еще неделю, фотографируя всех детей, выносивших цветы. Вернувшись в Москву, он послал запросы в те города, где был недавно, на предмет пропажи детей. Результат заставил его похолодеть: еще в четырех из семи городов пропали девочки, накануне побывавшие на концерте Алексея Майорова! Не веря в такое чудовищное совпадение, журналист решил проследить маршруты предыдущих гастролей звезды и сравнить их с фактами пропажи детей. Не везде и не всегда, но в двух случаях из десяти даты пропажи детей совпадали с датами концертов Майорова в городах, где эти дети жили. Были эти дети на концертах или нет, доказать, к сожалению, нельзя, хотя измученные горем родители уверяют, что были. Их не фотографировал, к сожалению, никто. Но последние пять случаев говорят сами за себя: Олечка Зайцева, Кристина Лепнина, Галочка Онищенко, Людочка Ивановская и Риточка Малькина в недобрый час пошли на концерт своего любимого певца Алексея Майорова. Милые славные малышки в возрасте от 8 до 11 лет на следующий день исчезли бесследно.

Совпадение? Не знаем...»

ГЛАВА 7

Омерзение и страх. Чья больная фантазия могла породить всю эту гадость – понятно; но, надо отдать Кармановой должное: выполнено все было настолько правдоподобно, что мне стало страшно. Что же теперь делать? Очевидно, этот же вопрос зудел в головах остальных, поскольку все, даже Лешка, сидевший с растерянной физиономией, повернулись к генералу Левандовскому. Первой не выдержала я:

– Что это? – Да, моя способность задавать изумительно толковые вопросы всегда при мне.

– Это – статья в газете. – Каков вопрос, таков и ответ. Сергей Львович, сев на стул напротив Майорова, в упор посмотрел Лешке в глаза. Тот не отвел взгляда, только горько усмехнулся:

– Что, Сергей Львович, сомнения одолели?

– Извини, Алексей, – ничуть не смутился генерал, – служба приучила меня к тому, что в жизни возможно все, и человек, в котором был уверен, как в самом себе, способен преподнести самые неприятные сюрпризы. Понимаешь, я ведь, когда прочитал статью, первым делом навел справки об авторе. Этот парень никогда не отдает материал в печать, если сам не уверен в том, что пишет. Он абсолютно убежден, что за исчезновением детей стоишь ты. Единственное, что слегка поколебало его уверенность, – это сегодняшнее про-

исшествие на вокзале. Газета со статьей появилась ближе к полудню, а через пару часов случилась вся эта катавасия. Ясно, как божий день, что речь идет о тщательно спланированной акции, поскольку никого из близких пропавших детей на перроне не было. Я хочу твердо знать, Алексей, прежде чем влезать в это дело: в написанном есть хоть сотая доля правды?

– Знаете, Сергей Львович, – мучительно поморщился Майоров, – по законам жанра я сейчас должен был бы вско-чить, с грохотом уронить стул и, униженный и оскорблен-ный, с топотом ускакать в ночь. Но за стеной спит Кузнечик, поэтому грохот отменяется. Патетические речи и битье себя кулаками в грудь – тоже. Я могу сказать только одно – тошно мне сейчас, ох как тошно! – и он опустил голову на судорож-но сжатые кулаки.

Я немедленно выпустила когти, и, распушив хвост и вы-гнув спину, зашипела на Левандовского:

– Вы что, с ума сош-ш-шли?

– Спокойно, Аннушка, спокойно, – Сергей Львович невольно улыбнулся. – Ишь какая защитница у тебя, Алек-сей! Того и гляди, глаза мне выцарапает.

– Она может, – поднял голову Лешка, – и не только глаза выцарапать, но и голову оторвать.

– Seriously? – опасно покосился на меня Левандовский, я с достоинством кивнула. Все рассмеялись, и возникшее было напряжение исчезло.

– Так, други мои, – Сергей Львович прихлопнул ладонями по столу, – будем считать, что этот вопрос закрыт, Алексей здесь ни при чем. Это – тщательно продуманная провокация.

– И мы все знаем, кто ее автор, – мрачно обронил Артур.

– Возможно, – согласился генерал. – Но подумай, Алексей, вспомни: кому еще ты мог перейти дорогу, кто мог возненавидеть тебя до такой степени?

– Такого накала страстей я больше ни у кого не вызываю, – уверенно проговорил Майоров, потом, хитро глянув на меня, продолжил: – Разве что... Но с противоположным знаком, надеюсь.

– Пока – да, – угрожающе произнесла я.

– Понятно, – Сергей Львович улыбнулся. – Значит, будем исходить из предположения, что за всем этим стоит мадам Карманова, встречи с которой я жажду все больше и больше. Надо отдать ей должное, разыграно все безупречно.

– И опять эта тварь впутала в свои разборки детей, – не выдержала Алина, сама пережившая мучительную разлуку с дочерью. – Вот скажите мне, куда она спрятала этих девочек, что теперь с ними будет? Мне только непонятно, – повернулась она к свекру, – как получилось, что и раньше в городах пропадали дети, когда Леша приезжал туда с гастролями?

– Ну, это как раз просто объяснить, Алиночка. Каждый день в России исчезают сотни детей. Достаточно было сопоставить график гастролей Алексея со статистикой пропаж:

учитывая, что Майоров гастролирует часто и объездил практически всю Россию и ближнее зарубежье, совпадений по датам не могло не быть. Иногда это оказывались мальчики, но для дела главное, чтобы возраст ребенка был подходящим. Странно, что еще так мало совпадений – всего два из десяти. Хотя... Родители якобы уверяют, что дети были на концертах. Голову даю на отсечение: родители эти из разряда так называемых неблагополучных, за деньги подтвердят все, что угодно, поэтому и совпадений немного. Выбрали тех детишек, которые не очень нужны своим папе с мамой. А вот последних малышей, увы, похитили именно потому, что они понесли цветы Алексею, и это было снято.

– Но все же, – не выдержала я, – как нам теперь быть? Ведь грязь хлынула, словно нефть из танкера...

– Да, удар сильный, редкий по подлости, – согласился Левандовский. – Ведь тема-то какая выбрана – похищение детей. Майкл Джексон отдыхает. Я думаю, ты, Алексей, со своей защитницей поживешь пока у нас.

– Где, здесь? – возмутился Лешка. – И не подумаю! Не хватало еще, чтобы свора журналистов обрушилась на вас! Они же покоя вам не дадут, даже Кузнечика теревить начнут и Ирину Ильиничну. Нет, нет и еще раз нет!

– Да не кипятись ты! – Сергей Львович поднял ладонь. – Ишь, нахватался от подружки своей. Такой был спокойный парень, а теперь – огонь! Ты что с ним сотворила? – шутливо погрозил он мне.

– Да так, знаете, по мелочи, – я скромно потупила глазки, – где сушеных толченых жаб в супчик подсыплю, где чайком из кладбищенской крапивки напою, где...

– Хватит! – завопил Лешка.

– Ну да, ну да, – Левандовский покачал головой. – Так вот, дорогие мои. Жить я вам предлагаю не здесь, а на нашей даче. Поселок тщательно охраняется. Из соседей там сейчас мало кто появляется, вот на новогодние праздники народ соберется, но до них еще три недели, за это время, думаю, удастся все выяснить и организовать мощную встречную волну. Помимо публикаций-опровержений надо будет пару-тройку телепрограмм с твоим участием, Алексей, организовать. Возможно, придется рассекретить ваши отношения, вы как, готовы?

– Я – как Лешка, – я посмотрела на свою измученную половинку.

– А мне скрывать нечего, – обняла меня половинка.

– Вот и ладненько, – Сергей Львович поднялся, – так и порешим. А теперь пора отдохнуть, день был тяжелый. Ты где, Алексей, спать будешь? Вторую гостевую готовить?

– Издеваетесь, да? – грустно вздохнул Лешка. – Давайте, давайте, добейте несчастного, чего уж теперь!

– Ты еще слезу пусти, для достоверности, – улыбнулся Левандовский. – Ладно уж, иди, страдалец, твои вещи давно в Аниной комнате стоят.

На следующее утро ровно в восемь у подъезда ждала слу-

жебная машина генерала Левандовского – «Вольво» с тонированными окнами. Мы с Лешкой, в котором сейчас вряд ли кто-нибудь узнал бы Алексея Майорова, настолько меняет внешность потрепанная кроличья шапка, очки в старомодной роговой оправе, с обмотанной лейкопластырем дужкой, и дешевая одежда, – не спеша вышли на улицу. Я тоже вырядилась в свое изгвазданное пальто, чтобы гармонировать с Лешкой. Выглядели мы, в общем, замечательно – ни дать, ни взять, два бывших интеллигентных человека, в простонародье бича, бредут за опохмелкой. Так мы и пошлепали со двора. Я настолько вошла в образ, что, заметив под скамейкой пустую бутылку, радостно заухала и рванула за добычей, но Лешка в последний момент ухватил меня за рукав.

– Кончай идиотничать! – зашипел он.

– Прости, – я вздохнула. – Все-таки великая вещь – система Станиславского!

Тем временем из подъезда вышел Сергей Львович, импозантный, в генеральской форме, в папаче. Следом показали Артур и Алина с нашими вещами, которые они стали запихивать в багажник «Вольво». Наконец багажник сыто чавкнул и мрачно уставился на всех задними габаритами. «Фиг теперь откроете!» – выражала его наглая физиономия. Машина плавно тронулась с места. На переднем сиденье важно восседал генерал. Завернув в арку, машина притормозила, мы с Лешкой, сопя и толкаясь, залегли на заднем сиденье.

Может, все эти предосторожности были лишними, но недооценивать противника нельзя. Если у Жанны хватило ума и средств раскрутить всю эту историю, то предполагать, что она ограничится одним скандалом, было бы наивно. На наше счастье, она в свое время перешла дорогу генералу ФСБ (хотя, если честно, большого счастья в том не было), и теперь Сергей Львович землю роет, чтобы найти и наказать мадам Карманову.

А пока нам предстояло какое-то время путешествовать в весьма необычном положении, скукожившись на заднем сиденье, чем Лешка не преминул воспользоваться. Я безуспешно пыталась воззвать к здравому смыслу, справедливо напоминая, что мы:

- а) не дома, а в машине;
- б) в машине чужой;
- в) кроме нас, в машине еще два человека;
- г) да прекрати, наконец!

Минут через двадцать Сергей Львович, посмотрев по сторонам и, вероятно, решив, что все спокойно, обернулся к нам:

– Все, хватит безобразничать! Ей-богу, словно двух подростков везу! Садитесь-ка нормально и возьмите себя в руки.

– А я что делаю? – удивился Лешка.

– А ты взял меня в руки! – Я все еще не оставила надежду выглядеть достойно и целомудренно. – Немедленно отпусти,

слышишь, что тебе Сергей Львович велел!

– А то, что он велел, – Лешка уселся поудобнее, – как раз и является болезнью подросткового возраста, так что позволите не согласиться с рекомендациями, себя в руки я брать не буду, тем более при даме.

Сергей Львович от неожиданности поперхнулся, закашлялся, а потом затрясся от смеха. Водитель присоединился к шефу.

Ха-ха-ха, очень смешно!

ГЛАВА 8

Поселок, где находилась служебная дача Левандовского, был скромен, безыскусен и непритязателен. Всего каких-то двадцать плевых домиков метров эдак на пятьсот, участочки – тьфу, и говорить не о чем, гектар, полтора – разве ж это участок? Так, лужок. Ох, простите, я никого не имела в виду. Что еще? А, да, оградкой все обнесено по периметру, мальчишки служивые на воротах, в общем, ерунда.

Когда мы въезжали в ворота этой ерунды, машина притормозила, и Сергей Львович, указав на нас охране, предупредил, что мы какое-то время поживем на его даче. К нам было велено никого без нашего ведома не пускать. Глядя на парнишку, которому генерал отдавал указания, я ощутила небывалый прилив гордости за наш военно-промышленный комплекс. Это же надо, пока наивные японцы сооружают игрушечных послдов доброй воли и роботизированных собачек, наши умельцы уже сконструировали из манекена и катушечного магнитофона прелестного робота-человека. Как и в любом новом деле, пилотные экземпляры получились не очень удачными: стоит, тупо смотрит, лицо без признака мысли, кивает только, и то скрип слышен. Мальчонка, повернувшись всем телом (опять шею не смазали!), уставился на нас своими фотоэлементами... Хотя что это я, его глаза больше напоминали пуговицы от штанов, коричневые та-

кие, с четырьмя дырочками. Этими самыми дырочками он обстрелял нас с Лешкой, запоминая, еще раз кивнул, и мы поехали к дому.

Пока машина колесила по скромным коротеньким улочкам, тщательно очищенным от снега, Сергей Львович созвонился с группой сопровождения, ехавшей за нами от самой Москвы. Слежки не было, Карманова, вероятно, решила не светиться перед генералом.

Потом Левандовский отбыл на службу, а мы стали знакомиться с нашим новым убежищем. В общем, понятно, почему Кузнечик предпочитала Лешкин дом, да и Артур с Алиной с удовольствием приезжали туда на шашлыки. Аура дома – не пустые слова. У Лешки она радужная и теплая, а здесь... Нет, сам дом был великолепен – два этажа, пять спален, три ванные комнаты, огромная гостиная с камином, сверкающая чистотой кухня со всеми наворотами, но у меня лично создавалось ощущение, что даже миксер с кофемолкой состоят на службе в ФСБ. Так и слышалось: «Первый, Первый, я Седьмой, мимо меня прошли два каких-то уroda. Можно, я в них плюну?»

Скорее всего, этот дом служил Левандовскому в основном для приема важных гостей. Ну что ж, побудем и мы таковыми.

Холодильник, забитый продуктами до отказа, одышливо пытел и бурчал. Но, мерзавец эдакий, открываться не желал никак, плотно причмокнув дверь. Пришлось звать на по-

мощь Лешку. Тот с важным видом вплыл на кухню.

– Признавайся, глупый хомяк, без моих накачанных мускулов и могучего интеллекта тебе не обойтись? – пыжился зловредный тип.

– Ну ладно, мускулы, хотя эти недоваренные макаронины я бы не рискнула так назвать. Но при чем тут могучий интеллект? Кстати, у кого ты его спер?

– Я понимаю, чувство собственной неполноценности вынуждает тебя говорить подобные гадости центру вселенной и великому гуру, – высокомерно заявил гуру, он же центр, подходя к холодильнику, – а теперь смотри и учись. Так, поддай-ка мне нож.

– Какой? – я слегка обалдела.

– Консервный, разумеется. Будем вскрывать, – мстительно уставился на холодильник Лешка. Рефрижератор ощутило вздрогнуло, и, когда Майоров потянул за ручку, открылся легко и без всякого чмока.

– Ну что, убогонький суслик, – Лешка победно глянул на меня, – зацени интеллект!

– Клоун, – мрачно констатировала я и, оттолкнув гуру от холодильника, занялась приготовлением обеда.

– Зависть, повсюду зависть! – Лешка плюхнулся на табурет, приступив к своей любимой игре «133 способа мешать на кухне».

Целый день мы не включали телевизор и радио, изо всех сил делая вид, что нам это ни к чему, у нас и так все хорошо.

Вечером позвонила Кузнечик, ее звонкий голосок отогнал мрачные мысли, как колокольчик прогоняет злых духов. Она передала привет от бабушки, из чего мы сделали вывод, что новостей особых пока нет.

На следующее утро я засобиралась в Москву, надо было навестить Виктора, ведь за него журналисты, не найдя Майорова, примутся в первую очередь. Вчера Сергей Львович должен был распорядиться о переводе Виктора в закрытый военный госпиталь. Пока я возилась в спальне, мучаясь от необходимости принятия судьбоносного решения – что же надеть, Лешка созвонился с Артуром, и тот пообещал отвезти меня к Виктору. Судя по обрывкам разговора, больной темы они не касались.

Артур прибыл где-то через час. Я спустилась по ступенькам со второго этажа и направилась в прихожую. Лешка стоял в дверях гостиной, сжимая в руках кружку с кофе, и взгляд у него был... Не знаю, как объяснить, но он словно бы прощался. Навсегда. Я всхлипнула и, бросившись к Лешке, уткнулась ему в грудь. От неожиданности Майоров покачнулся, и кофе из его кружки выплеснулся на пол.

– Ну что ты, глупая бабулька, что ты, – растерянно забормотал Лешка и, поставив кружку на столик у двери, обнял меня крепко-крепко. – Посмотри, что ты наделала, слонопотамчик, я так напрягался, кофе себе варил самостоятельно, а ты взяла и напоила им пол.

– А ты чего? – прохлопала я ему в свитер. – Стоишь,

смотришь, словно брошенный плюшевый мишка с оторванной лапой.

– Плохо ты знаешь детскую классику, – прошептал мне на ухо Лешка, – вот когда будешь читать стихи Агнии Барто нашей дочке, тогда и вспомнишь, что это зайку бросила хозяйка, а мишке хоть и оторвали лапу, и уронили на пол, но все равно не бросили, потому что...

– Потому что я не смогу без тебя, – тоже шепотом закончила я и, подняв на Лешку зареванные глаза, спросила: – Какая еще дочка? Откуда?

– Ну, толстый хомка, – рассмеялся Лешка, – а я-то, дурень старый, думал, что ты знаешь, откуда берутся дети. Ладно, Артур подождет, сейчас я тебе объясню по-быстрому. Так вот, – он начал расстегивать пуговицы на моей блузке.

– Не надо! – шлепнула я охальника по рукам. Слезы высохли. Все будет хорошо, это все нервы, мерещится чушь.

Лешка помог мне надеть дубленку, подаренную Алиной вместо моего испорченного пальто, развернул меня лицом к себе и, наклонившись близко-близко, так, что его глаза стали моей вселенной, тихо проговорил:

– Постарайся побыстрее вернуться, зайцерыб, договорились?

– Договорились, – выдохнула я и...

Из дома я выскочила минут через десять, губы подкрашивала уже в машине. Долго извинялась перед Артуром за опоздание, но тот только ехидно улыбался.

Сергей Львович слово сдержал, Виктора я нашла в отдельной палате супер-пупер-ведомственного госпиталя, куда входить можно, лишь миновав три металлоискателя, двух овчарок, пять блокпостов... Короче, если бы не Артур, меня туда не то что посетительницей – уборщицей бы не пустили. Не вызывает мой облик полного и безоговорочного доверия, что ты будешь делать!

Виктор выглядел замечательно, нежные переливы желто-зеленых оттенков придавали его физиономии неземной вид. Земноводный, в общем. Похож был Витенька на юную кокетливую лягушку, о чем я и поспешила ему сообщить, сияя от радости.

– Нет, скажи ты мне, человеке, – с невыносимой тоской во взоре обратился Виктор к ухмыляющемуся Артуру, – чем я так прогневил небо: не довольствуясь тем, что послало мне вздорного, жадного и мелочного босса, готового за копейку гонять бедного Витюшу по бескрайней России, оно подсунуло боссу подружку, милее которой разве что разбуженный ударом по хвосту коралловый аспид?

– Спасибо, Витюша, – чмокнула я в щечку страсготерпца, – твои комплименты, как всегда, изысканны.

– Это когда я успел?

– Ну как же? Ведь коралловый аспид – стройная юркая змейка потрясающей красоты, и ведь ты прав, чертяка, – я устроилась поудобнее на стуле, – это все обо мне. А теперь рассказывай, как ты?

– Это лучше вы мне скажите, что за чушь я слышу со всех сторон? – из голоса Виктора разом исчезла игривость.

Вместо ответа Артур молча вытащил из кармана сложенную газету и протянул ее Виктору. Пока он читал, мы молча ждали. Наконец Виктор поднял на нас глаза:

– Авария не была случайностью, теперь я в этом окончательно убедился.

– Почему?

– Да потому, что, будь я на месте, никаких фотографий с концерта не было бы. Это одно из требований Майорова – запрет на фото– и видеосъемку, я всегда строго слежу за тем, чтобы оно выполнялось. Это даже написано на билетах и афишах Майорова, дабы потом никто не обижался, когда на входе отберут камеру.

– А для чего такие строгости? – удивился Артур.

– Да ведь с фотографий можно отпечатать плакаты, запись концерта – пустить на видеокассеты и продать. Это же бизнес.

– Понятно, – протянула я. – Значит, тебя убрали, чтобы некому было отслеживать выполнение условия? А как же местные организаторы концертов?

– Я тебя умоляю! – Виктор снисходительно махнул рукой. – Да они первые небось снимать бросились, чтобы подзаработать. Ладно, с этим все ясно. Что делать-то будем?

– Ты – долечиваться, а мы с Лешкой в подполье ушли, – жизнерадостно улыбнулась я, хотя сердце почему-то вдруг

заметалось в груди, словно хотело вырваться и улететь. – Спасибо Сергею Львовичу, он взял на себя организацию встречной волны.

– Надеется прихватить Карманову, – хмуро обронил Артур. Любое напоминание о женщине, укравшей у него прошлую жизнь, вызывало, похоже, почти физическую боль.

– Так что давай, выздоравливай, – я толкнула плечом Виктора, – через пару недель начинаются новогодние концерты, Алексею без администратора тяжеленько придется, верно?

Посидев у Виктора еще минут двадцать, мы засобирались. У Артура на этот день были намечены какие-то дела, а я рвалась к Лешке. Странно, прошло всего два часа, как мы расстались, а я места себе не находила, всю обратную дорогу ерзала, вздыхала, включала и выключала музыку.

– Да успокойся ты! – не выдержал наконец Артур. – Что с ним может случиться в охраняемом поселке? Да и сам Алексей вовсе не так безобиден, как может показаться на первый взгляд.

– Извини, Артурчик, я все понимаю, – голос предательски дрогнул, – но ничего не могу с собой поделать. Знаю одно – беда, беда случилась, – я все-таки разревелась.

– Тьфу, дурочка, – в сердцах бросил Артур, – что ты несешь, какая беда?

Большая.

ГЛАВА 9

Я выскочила из машины практически на ходу, Артур едва успел притормозить. Расстегивая дубленку, позвонила в дверь, одновременно корча рожи камере видеонаблюдения. Камера, высокомерно поблескивая выпуклым глазом, на мои выходки не реагировала. Но почему-то никакой реакции я не дождалась и из дома, смотревшего на меня холодными равнодушными окнами.

– Что ты топчешься? – подошел Артур. – То дождаться не могла, пока доедем, а теперь тянет резину.

– Артур... – Я повернулась, увидев выражение моего лица, он перестал улыбаться. – Он не открывает. И не отвечает, – губы задрожали так, что говорить я уже не смогла.

– Ладно, ладно тебе, – бодро заговорил Артур, – чего ты сразу в панику ударилась? Дрыхнет небось твой Майоров, вот и все дела. Давай, открывай сама. Надеюсь, ключи у тебя есть?

– Н-н-не помню. – Я лихорадочно рылась в карманах. – А, вот какие-то. Это те?

– Давай сюда, истеричка, – мой спутник выхватил ключи, и, открывая дверь, проговорил: – Пошли будить этого соню.

Но Лешки в доме не было. Сбросив на ходу дубленку, я осмотрела все комнаты, Артур сбегал даже в подвал и на чердак. Пусто. Осознав это, я рухнула на первое, что попало

мне... В общем, не под руку. Попался столик для телефона, никак не ожидавший такого удара судьбы. От неожиданности столик крякнул, но пока держался, хотя его изящные ножки предательски дрожали.

Глянув на мое опрокинутое лицо, Артур выхватил мобильник и набрал Лешкин номер. Долго слушал, но наконец отключил и растерянно посмотрел на меня:

– Абонент временно недоступен...

– Вот и все, – еле слышно произнесла я, – вот и все.

– Ничего не все! – заорал Артур и, подскочив, встряхнул меня за плечи.

Столик не выдержал и, прощально всхлипнув, развалился. Артур вовремя схватил меня за руку, так что у меня развалиться не получилось.

Оттащив меня на кухню, Артур устроил меня на самом крепком стуле, сварил кофе и, вручив мне чашечку с ароматным напитком, снова взялся за телефон:

– Алло, отец? Тебе Майоров не звонил? Да его дома почему-то нет. И мобильник выключен. Ладно, позвоню Алине, может, он ей звонил. Ага. Договорились. – Не глядя на меня, Артур начал набирать другой номер, но телефон неожиданно зазвонил сам. Я радостно встрепенулась, а Артур торопливо ответил:

– Да, слушаю. Солнышко, а я собирался тебе звонить, у нас тут... – Очевидно, Алина недослушала мужа и что-то прокричала ему так громко, что это услышала даже я. Ар-

тур смертельно побледнел, бросил короткое: «Немедленно еду!», отключил телефон и выбежал из кухни.

Я тупо смотрела ему вслед, не в силах встать. Все правильно. Я знала. Случилось. Артур вернулся уже одетый, в руках он держал мою дубленку. Словно куклу, поднял он меня со стула и натянул одежду.

Все так же молча, ничего не объясняя, он усадил меня в машину, запер дом, и мы поехали. У выезда из поселка Артур вышел из машины, о чем-то переговорил с охраной и, вернувшись, уселся за руль. Посидев пару минут, словно собираясь с мыслями, он повернул ключ зажигания, и наша самобеглая коляска покатила к Москве.

Наверное, надо было бы расспросить моего спутника, что случилось у него дома, что он узнал у охраны, но я словно впала в анабиоз. Вязкое оцепенение сковало меня, в голове тяжело колыхалась муть, по капле перетекая в сердце. Артур тоже не пытался начать разговор, он, стиснув зубы так, что на щеках перекатывались желваки, гнал к Москве на предельной скорости.

У подъезда забытым снеговиком застыла Алина. Увидев машину мужа, она бросилась навстречу и, поскользнувшись, упала. Да так и осталась сидеть, словно силы оставили ее. Артур выскочил из машины, оставив ключи в замке зажигания, подхватил жену на руки и, говоря что-то успокаивающее, понес ее в дом. Я же, не в силах двинуться, осталась в машине. Минут через пять во двор влетела уже знакомая

мне «Вольво». Она остановилась напротив машины Артура, дверца распахнулась, и генерал Левандовский, без шапки, в расстегнутой шинели, бегом бросился к подъезду. У самой двери он резко затормозил, словно вспомнил о чем-то, и с недоумением посмотрел на машину сына. Потом подошел и заглянул внутрь. Увидев на переднем сиденье наспех слепленное чучело Анны Лощининой, а также ключ, торчащий в замке зажигания, Сергей Львович покачал головой и, тяжело вздохнув, выдернул ключ из замка, чучело – из машины и отнес все это в квартиру. Правда, надо отдать должное чучелу, оно передвигалось почти самостоятельно, только направление движения надо было задавать.

Из квартиры шибануло запахом валокордина, причем ПДК была превышена раз в десять. Не раздеваясь, я протопала следом за Сергеем Львовичем в гостиную и снова уселась не глядя. Слава богу, на этот раз мне попался устойчивый пуфик.

На диване сидели Алина и Ирина Ильинична, а из угла в угол метался Артур, почему-то в одном сапоге. Увидев отца, он остановился, и у всех троих лица на миг озарились безумной надеждой. Но генерал молча покачал головой, и свет в их глазах погас. Похоже, все слезы были уже выплаканы, но я ошиблась. Алина заметила наконец меня. Она встала, и, светски улыбнувшись, попеняла мужу:

– Как же ты бросил Анну в машине, некрасиво это, – и подошла ко мне, – пошли, Аннушка, надо раздеться, чайку

выпить.

– Чайку? – тупо повторила я.

– Да, горяченького, – щебетала Алина, помогая мне снять дубленку, но, похоже, заряд бодрости оказался мизерным, и, бросив мою одежду на пол, она обняла меня и горько зарыдала.

Да, теперь я знаю, почему женщины живут дольше мужчин. Мы умеем плакать, и это спасает нас. От слез подруги в душе у меня словно что-то переключилось, липкая темнота колыхнулась и начала рваться в клочья, и я присоединилась к Алине.

– Слава богу! – с облегчением выдохнул Сергей Львович. – А то я уже и не знал, что делать с этой заторможенной мадам. Так, давайте подведем итоги, прежде чем утонем в слезах наших женщин. Артур, тебе Алина рассказала, что произошло?

– Да, в общих чертах, – устало проговорил Артур. – Всему может быть простое объяснение.

– Чему – всему? – спросила я.

– Инга пропа-а-ала, – провыла Алина, судорожно вцепившись в меня.

– Кузнечик? И она тоже?

– Да, – генерал мрачно кивнул, устраиваясь на диване рядом с совсем обессиленной Ириной Ильиничной. Он бережно обнял жену: – Иринушка, родная моя, все будет хорошо, не волнуйся.

– Нет, Сережа, – едва слышно произнесла та, – я чувствую, с нашей девочкой что-то случилось. Мы ведь, когда Инга не вернулась вовремя из школы, обзвонили ее подружек. Из школы они вышли все вместе, а потом Инга, как обычно, свернула в арку, которая ведет в наш двор. И все. Больше ее никто не видел... – Голос Ирины Ильиничны оборвался, она побледнела и обмякла в руках мужа.

– «Скорую»! – заорал Сергей Львович.

Врачи приехали на удивление быстро. Так же быстро погрузили Ирину Ильиничну в машину, включили сирену и унеслись в больницу.

Мужчины уехали следом, а мы с Алиной остались дома. То она, то я периодически проверяли, работают ли мобильники. Работали. И молчали. Молчали и мы.

Левандовские вернулись за полночь. К тому времени нас с Алиной прибило друг к дружке, словно две льдинки в водовороте. Мы сидели в углу дивана, свет не зажигали, нам было достаточно уличной иллюминации. Когда Артур щелкнул выключателем, мы подслеповато сощурились. Алина поднялась навстречу мужу и свекру.

– Что там, как мама Ира?

– Инфаркт, – голос Сергея Львовича дрогнул, – она в реанимации. А нас выгнали, велели ехать домой и не мешать. Может, у вас есть новости?

– Нет, – покачала я головой, – тишина. Артур, а что тебе сказали охранники?

– Какие? – не сразу понял он, о чем речь. – А, на даче. Примерно через полчаса после нашего отъезда Алексей с безумным видом выбежал из дома и помчался в сторону шоссе.

– Может, именно ему сообщили о Кузнечике? – предположила я. – Ведь только что-то серьезное могло выманить Лешу из дома в такой ситуации.

– Возможно, – генерал пристукнул кулаком по колену. – Черт, и почему я не оставил машину наблюдения у поселка!

– Но откуда же вы могли знать... – начала я, но Сергей Львович жестко оборвал меня:

– Должен был догадаться, профессионал хренов! Стереотип сработал: куда, мол, какой-то бабе до меня, не посмеет... А вот посмела! До внучки моей добралась...! Извините. И Алексей тоже хорош! Хоть бы позвонил, прежде чем нестись куда-то сломя голову! Взрослый вроде мужик!

Генерал бушевал долго, видно, так ему было легче. Артур же держал все эмоции в себе, боясь еще больше расстроить жену, хотя было видно, с каким трудом ему это удавалось.

По комнатам мы разбрелись часа в три ночи. Я пошла в душ, надеясь, что теплая вода хоть немного ослабит напряжение, сдавившее меня. Не получилось.

Сон ходил кругами вокруг кровати, дразнил и издевался надо мной, придвигался почти вплотную и отпрыгивал, проводил перышком по глазам, а потом насыпал туда же песок. Но не позволил мне ухватить себя даже на часок.

Рано утром, одурев от бессонной ночи, я сидела на кухне и пыталась взбодриться крепчайшим кофе. Словно тень, в кухню проскользнула Алина и села напротив. Мы молча смотрели друг на друга. Мы ждали новостей и боялись их.

ГЛАВА 10

День тянулся, словно хорошо разжеванный «Орбит», но выдуть из него пузыри желания не было. Несмотря на субботу, генерал уехал на службу, Артур и Алина – в больницу к матери. Я осталась дома дежурить на телефоне. Чтобы хоть немного отвлечься, занималась самой нудной работой – мыла посуду. Вся имеющаяся в доме посуда была перемыта три раза, и она теперь протестующе скрипела сверкающими боками, когда я брала ее в руки. В итоге мне пришлось искать себе другое занятие. Но другое занятие очень удачно пряталось, слышались только топот и хихиканье, когда оно меняло место дислокации. Наконец, устав от бесплодных поисков, я взялась за лежавшие на журнальном столике газеты, надеясь чтением убить время. Напрасно я это затеяла, времени подобное намерение не понравилось. Оно готово терпеть, когда мы проводим время, тянем время, даже когда теряем его, но убивать себя безнаказанно время не позволяет никому.

Вот и сейчас, едва я развернула первую попавшуюся газету, на меня глянул смеющийся Майоров и гигантский заголовок: «Чьими слезами оплачена счастливая улыбка народного кумира?» А потом страницы плюнули в меня отвратительной гнусью. Я с отвращением отбросила газету, прикасаться к другим желание пропало.

Ладно, посмотрим, что там телевидение предлагает. Взят

ла программу передач – так, похоже, сейчас новостных выпусков не предвидится. Что бы такое посмотреть, легкое и приятственное? О, вот, «Служебный роман».

Я включила телевизор. Но почему-то вместо недотепистого Новосельцева на меня смотрел какой-то мордастый дядька и, брызжа слюной, орал что-то невразумительное. Потом кадр сменился, и появившийся на экране ведущий одного из самых рейтинговых ток-шоу попытался уговорить дядьку. Получалось плоховато. Странно, почему эти кадры не вырезали? И почему программа идет в неурочное время?

В этот момент дали крупным планом ведущего, который зачастил:

– Итак, впервые в прямом эфире ток-шоу «Поговорим о...». Скандал, связанный с Алексеем Майоровым, буквально взорвал страну. Наши телефоны не выдерживают шквала обрушившихся звонков, все хотят знать – действительно ли кумир миллионов причастен к тому, в чем его обвиняют? Накал страстей так велик, что мы были вынуждены срочно дать в эфир нашу программу, с трудом найдя в сетке вещания место. Надеюсь, нас простят поклонники фильма «Служебный роман», наш канал обязательно покажет эту замечательную картину позже. А сейчас нас больше волнует другая история. Мы собирались пригласить в студию самого Алексея Майорова, и он дал предварительное согласие, но потом исчез, найти его мы не смогли. Зато пришел его администратор, Виктор Корнилов, который в больнице все еще прихо-

дит в себя после страшной автокатастрофы. Спасибо вам, Виктор, за то, что, несмотря на не очень хорошее самочувствие, вы согласились прийти.

– А как иначе? – гримеры тщательно замазали синяки Виктора, но вид его здоровым назвать было нельзя. – На фоне всего этого безумия кто-то должен сказать правду.

– Мы постараемся разобраться в этой истории, – снова за сверкал очками ведущий. – Также любезно согласился прокомментировать события куратор следствия по делу Майорова Сергей Львович Левандовский. Напротив них сидят родители пропавших Оленьки Зайцевой и Риточки Малькиной. Спасибо вам, что согласились прийти.

На экране появились измученные лица несчастных родителей. Потухшие, заплаканные глаза матерей смотрели прямо в душу. В груди закипал гнев, появившись сейчас здесь Жанна Карманова, от нее осталась бы кучка плохо рвущихся шмоток и истоптанное неаппетитное нечто. Но у всех остальных подобные чувства, похоже, вызывал Майоров. На экране за светились огоньки телефонных звонков. Ведущий попросил вывести один из них в студию. Зазвучал срывающийся женский голос:

– Что же это получается, а? Маньяк и извращенец разгуливает на свободе, ему все нипочем, ведь у этого гада деньги немерено! Найти его не могут, как же! Да давно уже слинял ваш Майоров из страны, сидит теперь где-нибудь в Америке и в ус не дует!

Звонок отключили, а ведущий повернулся к Виктору:

– Что вы можете ответить на подобные заявления?

– Только одно, – громко и внятно проговорил Виктор, – все, о чем пишется в этих статьях, – не более, чем мерзкая и отвратительная провокация, затеянная с целью опозорить и уничтожить Алексея Майорова.

– А как же факты? – выкрикнул кто-то из зрителей.

– О каких фактах может идти речь? – зарокотал голос Сергея Львовича. – Речь может идти только о подтасовке событий.

– А фотографии?

– Встречный вопрос, – спокойно парировал Левандовский. – Почему фотографии появились сразу после того, как был устранен администратор Майорова? Почему сняты именно те дети, которые пропали на следующий день? Каким это удивительным образом корреспондент ранее уважаемой мной газеты предвидел судьбу этих детей?

Генерал продолжал, не оставляя камня на камне от, казалось бы, безупречной пирамиды обвинений. Его слова оказывали отрезвляющее действие, выражения лиц у присутствующих в студии менялись.

От избытка чувств, от бесконечной благодарности к Сергею Львовичу, который, несмотря на обрушившееся на него горе, счел нужным появиться на ток-шоу и встать на Лешкину защиту, я разревелась, сидя у телевизора.

Тем временем ведущий, прислушавшись к крохотному

наушнику, поднял руку:

– Простите, что перебиваю, но у нас срочный звонок.

– Пока вы там сидите, – злорадствовал обладатель гнусавого голоса, чья половая принадлежность с ходу не определялась, – в соседнем доме менты накрыли притон, где, похоже, нашли вашего разлюбезного Майорова. Только он идти не может, в отключке, хи-хи-хи. А еще, говорят, детские вещички там обнаружили, рюкзачок розовый с брелочком-зайчиком...

Речь торжествующего уroda выключили, а камера крупным планом наехала на генерала Левандовского, чье лицо стало мертвенно-бледным. Не говоря ни слова, он бросился вон из студии. Все разом загомонили, и ток-шоу сменила реклама. Оцепенев, я продолжала тарашиться на экран. Вдруг за спиной послышался шум, я оглянулась. В дверях стоял Артур, у него на руках висела Алина. Отбросив в сторону мешающий столик, я бросилась на помощь. Вдвоем мы уложили Алину на диван.

– Что с ней, у Ирины Ильиничны все так плохо? – тронула я за плечо Артура, стоявшего на коленях возле дивана и державшего жену за руку.

– Нет, маме уже лучше. Мы, когда вошли, услышали, как говоривший точно описал рюкзачок Инги...

Ноги больше не держали меня, и я по стене сползла на пол. Вот так. Одним точным ударом была отсечена поддержка и помощь генерала Левандовского. Бедная моя малышка,

славный Кузнечик! Где же ты, что с тобой? Что теперь будет с Лешкой?

С трудом поднявшись, я побрела в отведенную мне комнату, где, двигаясь, словно сомнамбула, с грохотом роняла разные предметы, которым именно сейчас приспичило поиграть со мной в салочки. Я не разделяла их игривого настроения и, отводя душу, пинала все, что попадалось на моем пути. И тоска и безнадега уступили место злой четкости мышления. Что ж, разлюбезная моя бывшая одноклассница, я, конечно, существо доброе и радушное, иногда излишне доверчива и беззуба. Но только пока дело касается меня лично.

Расставив по местам все, что недавно летало и падало, я не спеша принялась собирать и укладывать вещи. Вернулся Сергей Львович, они с Артуром о чем-то заговорили вполголоса, но я из комнаты не вышла. С вещами справилась быстро, поскольку большую часть я увезла на дачу. Черт, как же теперь забрать их оттуда?

Я нервно дергала заевший замок сумки, когда в дверь тихо постучали.

– Входите, – не прерывая своего занятия, пропыхтела я.

– Что ты делаешь, позволь спросить? – поинтересовался Сергей Львович.

– Да вот, замок заело, зараза, не закрывается никак! – Я в сердцах отбросила сумку.

– Не уходи от ответа, Анна, – устало опустил генерал на ближайший стул.

– Я не от ответа ухожу, я отсюда ухожу, – я старалась не смотреть на Левандовского. – Только вот не знаю, как свои вещи с вашей дачи забрать.

– Зачем?

– Как это – зачем? Носить ведь что-то надо, у меня их не так много, вещей. И пальто мое там, ничего, что грязное, я его в срочную чистку сдам, через полтора часа готово будет. Алинину дубленку я здесь оставлю, я ее всего пару раз надевала, думаю...

– Прекрати! – жесткий окрик прервал мою истеричную болтовню.

– А вот орать на меня не надо, – я спокойно повернулась к Левандовскому. – Я все понимаю, Сергей Львович, и хочу лишь облегчить вашу задачу.

– Какую? – генерал прищурился.

– Очистить ваш дом от всего, что связано с Майоровым. Он ведь, гад такой, и на самом деле извращенцем оказался, просто маньяк какой-то – не удержался и нагадил в доме, где его любили и ему верили! – заходясь все больше и больше, я перешла на крик.

– А вот орать на меня не надо, – повторил мои же слова Сергей Львович, затем встал, подошел ко мне и, одной рукой взяв мою сумку, другой прижал меня к себе.

Ну что это такое, елки-палки! Несгибаемый мститель, ледяная невозмутимость, символ трезвомыслия и мисс Холодный Расчет опять обрыдала чужую одежду.

– Все, Аннушка, все, – он гладил меня по голове, и от забытой отцовской ласки я никак не могла прекратить плач.

В комнату заглянул испуганный Артур.

– Не знаю, что мы будем делать с нашими девочками, – обратился к нему отец. – Алина хоть немного пришла в себя?

– Почти то же, что и здесь, – Артур прислонился к дверному косяку.

– Веди-ка ты жену на кухню, ставь чайник на огонь, – распорядился генерал, – будем наших женщин чаем отпаивать и совет держать.

– Какой совет? – автоматически спросила я.

– В Филях, – Сергей Львович усмехнулся, – пошли, Аника-воин.

ГЛАВА 11

Думаю, если бы кто-либо заглянул сейчас на кухню Левандовских, восторгу любопытствующего не было бы предела: где еще увидишь двух грустных свинок, по неосторожности сунувших пяточки в пчелиный улей! Мордочки их опухли так, что опознанию хрюшки не подлежали. Прижавшись друг к дружке, они продолжали похрюкивать и повизгивать, но звуки эти раздавались все реже и реже. Наконец двое мужчин, сидевшие напротив, решили, что пора действовать. Взяв уже подготовленные чашки с чаем, они рискнули вручить их свинкам. Чудны дела твои, господи! У хрюшек имелись обыкновенные человеческие руки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.